

**Министерство образования и науки Российской Федерации
Уральский государственный педагогический университет
Институт иностранных языков
Кафедра профессионально-ориентированного
языкового образования**

**СТРУКТУРА СЕМАНТИЧЕСКОГО
ПОЛЯ «ЧЕЛОВЕК – انسان» В
СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ**

Екатеринбург 2014

УДК 81.1'373(035.3)

ББК 81.218-315.5

Т 40

Научный редактор доктор филологических наук М.Б.

Нагзибекова

Рецензенты:

Академик ИЛИ РАН г. Санкт-Петербурга И.М. Стеблин-Каменский, ведущий научный сотрудник, к.ф.н. отдела словарей Института языка и литературы им. А. Рудаки Академии наук Республики Таджикистан С.Д. Холматова

Тиллоева С.М.

Т40 Структура семантического поля «Человек – انسان» в сопоставительном аспекте [Текст]: монография / С.М.

Тиллоева; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2014.–167с.

ISBN 978-5-7186-0654-6

Данная работа представляет собой анализ структуры семантического поля «Человек» в сопоставительном аспекте. В ней слово рассматривается как единица структуры языка и как единица речи.

УДК 81.1'373(035.3)

ББК 81.218-315.5

ISBN 978-5-7186-0654-6

© Уральский государственный педагогический университет 2014

Кафедра профессионально-ориентированного и языкового образования

©Тиллоева С.М. , 2015

О Г Л А В Л Е Н И Е

Предисловие _____ 4

Глава 1. Анализ лексико-семантических групп русского, таджикского и персидского языков, входящих в лексико-тематическую группу «Внутренний мир человека»

1.1. Лексико-семантическая группа субстантивов, репрезентирующая внутреннего человека _____ 5

Глава 2. Анализ лексико-семантических групп, входящих в лексико-тематическую группу «Внешний облик человека»

2.2. Цветовые сравнения как средство описания облика человека и его оценка _____ 88

Библиография _____ 112

ПРЕДИСЛОВИЕ

К концу XX столетия лингвистика, наряду с другими науками обратившаяся к изучению инфраструктуры человеческого разума, уподобляемого информационной системе, приобретает новый образ, обусловленный ее когнитивной направленностью.

Исследование когнитивных процессов невозможно без исследования структуры ментального лексикона. Обращение к его изучению в когнитивной лингвистике обусловлено тем, что ментальный лексикон является одновременно и языковой, и когнитивной структурой

Важной чертой картины мира является ее антропоцентричность: мир рассматривается с точки зрения человека и явления мира классифицируются и оцениваются в связи с их функциональной загруженностью в данном социуме.

Г Л А В А 1

Анализ лексико-семантических групп русского, таджикского и персидского языков, входящих в лексико-тематическую группу «Внутренний мир человека»

1.1. Лексико-семантическая группа субстантивов, репрезентирующая внутреннего человека

Язык является тем средством, с помощью которого индивидуальный опыт познания мира приводится к социальному, что в конечном итоге и позволяет осуществляется коммуникации, т.е. обмену информацией и опытом [Касевич, 2013:664].

Когнитивный и языковой уровни не изоморфны. Существует очень сложная связь системы понятий с системой лексем какого-либо языка, и осуществляется эта связь через значение, и в первую очередь – через значение лексическое. Безусловно, все языковые уровни связаны с переработкой и закреплением опыта, однако именно в лексиконе закрепляются основные понятия и именно в нем формируются связи и отношения понятий, т.е. категоризация действительности в наибольшей степени связана именно с лексическим уровнем, чем с каким бы то ни было еще.

Большинство лингвистов указывают на сложное строение и динамический характер ментального лексикона. Так, А.А. Залевская пишет о том, что внутренний лексикон представляет собой «чрезвычайно» сложную систему многоярусных, многократно пересекающихся полей, с помощью которых упорядочивается и хранится в более или менее полной готовности к употреблению в деятельности разносторонняя информация о предметах и явлениях окружающего мира, об их свойствах и отношениях, об их оценке индивидом, как и о лингвистических особенностях обозначающих их вербальных единиц» [Залевская, 1999:73]. Эта сложность проявляется и в том, что лексикон не изолирован ни от грамматики, ни от фонетической системы данного языка и связи между единицами в лексиконе отражают не только разного уровня близость / противопоставленность значений слов, но и схожесть их фонетического оформления, морфемной структуры, морфологических категорий, и возможность образовывать синтаксические конструкции и т.п. [Бочкарева, Доценко 2005; Залевская 2005; Овчинникова и др.].

В настоящей работе сложность внутреннего лексикона нас интересует в первую очередь в связи с тем,

что, как уже говорилось выше, в нем отражаются представления о мире, классификация явлений и предметов, т.е. картина мира. Картина мира сама по себе также явление многоуровневое.

Антропоцентричность языковой картины мира в целом предполагает, что и отдельные ее части (концепты, фреймы, сублексиконы внутреннего лексикона, семантические поля, тематические группы и т.п.) также обладают этим же свойством. Вот что, например, пишет А.Д. Кошелев о структуре такой когнитивной единицы, как концепт: «... Задаваемая концептом категория ... возникает как единство двух независимых составляющих различной природы. Первая, структурная составляющая, манифестирующая внешний мир, – это предмет (пространственно локализованная субстанция), обладающий целостным образом и занимающий определенную позицию в иерархии предметов. Вторая, антропоцентрическая составляющая – это характеристика места (роли) предмета (элемента внешнего мира) в человеческом мире, включающая виды человеческого взаимодействия с этим предметом» [Кошелев, 2008: 29 – 30]. Поэтому структура семантического поля «Человек»

может рассматриваться как своего рода рефлексия языкового коллектива, направленная на себя самого.

Картина мира определяется как совокупность знаний человека о мире, система жизненных ориентиров, культурных установок и стереотипов, этических ценностей, систематизированных и интегрированных в некое целое. Национальная картина мира проявляется в общих представлениях людей, принадлежащих к одному этносу, о действительности; в их однотипных реакциях на типичные ситуации, в сходных оценках и суждениях, в пословицах, афоризмах, поговорках. В языке запечатлена наиболее существенная и важная часть этих общих представлений, поэтому говорят о языковой картине мира, которая выступает как своего рода "коллективная философия", – язык ее "навязывает" в качестве обязательной всем носителям этого языка. Вот почему считается, что язык дает важные сведения о специфике национального мировосприятия и национального характера.

Таким образом, вслед за М.П. Одинцовой, образ Человека трактуется нами как «концентрированное воплощение сути тех представлений человека о человеке, которые объективированы всей системой семантических

единиц, структур и правил того или иного языка» [Одинцова, 2000: 8].

Данная глава исследования разворачивается в двух основных направлениях.

Во-первых, исследуются отдельные характерные для данного языка концепты, своего рода лингвокультурные изоглоссы и пучки изоглосс. Это, прежде всего «стереотипы» языкового и более широкого культурного сознания.

Во-вторых, ведется поиск и реконструкция присущего языку цельного взгляда на мир.

Каждый естественный язык, как известно, отражает определенный способ восприятия и организации мира. Выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка. Свойственный языку способ концептуализации действительности отчасти универсален, отчасти национально специфичен, вследствие чего носители разных языков могут видеть мир по-разному, через призму своих языков.

Путь к пониманию человеком себя и мира лежит через язык. В зеркале языка с поразительной точностью отображается мировоззрение его носителей. Каждое слово, являющееся концептуально важным, окружено семантическим полем. Объем значений слова-концепта позволяет рассматривать их в диахроническом срезе – с момента появления слова в языке (в глубокой древности) и до наших дней. Слово-концепт – содержательная единица картины мира, отраженной в человеческой психике [Кристина, 2005; 262], – формируется под влиянием духовных взглядов и убеждений человека и является их выражением. Таким образом, ключом к пониманию места человека в мире, его роли в обществе и культуре станет рассмотрение семантических полей концепта «Человек» в разных языках мира.

Структура семантического поля складывается из многих компонентов, одним из которых, и притом немаловажным, является состав и объем лексико-семантических групп, т.е. групп, в которых лексика объединяется по каким-либо сходствам в значении. Само собой разумеется, что группы могут быть составлены по разным основаниям (и такие перестройки внутреннего лексикона постоянно происходят в зависимости от

текущей решаемой задачи) и что одно и то же значение может входить в несколько групп. Все это обеспечивает гибкость лексикона и взаимосвязи различных групп, или, лучше сказать, полей, потому как группы внутри большого поля также имеют полевою структуру. В связи с этим ясно, что любая классификация значений (а также и связей внутри лексикона) в определенном смысле ущербна, тем не менее лингвисты всегда прибегают к данному методу, поскольку только он дает нам более или менее определенные представления о структуре лексикона. Справедливости ради нужно отметить, что классификации обыкновенно отражают наиболее существенные черты структуры семантических полей и те особенности внутреннего лексикона, которые являются наиболее устойчивыми и воспроизводятся при многих условиях.

Изучение и описание языковых явлений с помощью построения разного рода группировок давно признано плодотворным, поскольку помогает раскрыть системные связи и системную организацию языка на всех его уровнях. К словесным группировкам среди прочих относят, как известно, и лексико-семантическую группу, объединяющую в своем составе лексические единицы не только на основе семантического сходства, но и общности

формальных свойств.

Объектом исследования в данном параграфе была выбрана лексико-семантическая группа существительных, номинирующих лиц по некоторому внутреннему признаку. Данная словесная группировка как фрагмент языковой картины мира репрезентирует в сравниваемых языках внутреннего человека, то есть человека во всем многообразии черт его характера, природных или приобретенных способностей, склонностей и т. д.

Цель предлагаемой работы состоит в изучении и описании компонентов лексико-семантической группы существительных современного русского и таджикско-персидского языков, которые называют людей по внутреннему признаку и представляют в языке образ человека во всем многообразии его внутренних особенностей. Для реализации поставленной цели предполагается решение следующих задач: рассмотреть существующие подходы к описанию семантического пространства внутреннего человека; основываясь на достижениях системно-функционального описания лексических множеств в научной литературе, уточнить термин «лексико-семантическая группа»; определить понятие «Внутренний признак»; выявить, описать и

сопоставить состав лексико-семантической группы русских и таджикско-персидских существительных, номинирующих людей по внутреннему признаку путем идентификации и дифференциации изучаемых лексических единиц по тем или иным компонентам их значения. Идентифицирующие семы, то есть семы присущие единицам в сопоставляемых языках, приводятся для всей лексико-семантической группы, а семы, свойственные лишь отдельным единицам сравниваемых языков, то есть дифференциальные семантические признаки (ДСП), и всевозможные стилистические пометы приводятся в скобках непосредственно после того слова, которому они свойственны. Соответствующие лексико-семантические группы таджикского и персидского языков приводятся вслед за русским.

Обобщая опыт современной лингвоантропологии, можно выделить несколько основных взаимодополняющих друг друга аспектов изучения внутреннего человека в языковой картине мира сопоставляемых языков.

Во-первых, эта картина может быть представлена как наивная «Анатомия» И «Физиология» Внутреннего человека. Исследователи склонны видеть здесь проявление характерной черты архаического языкового сознания, «Для

которого естественно описание абстрактных способностей человека, его поступков через название органов, обеспечивающих эти способности» [Виноградов, 1977: 69]. Такой аспект изучения данного объекта находим в работах Ю. Д. Апресяна [Апресян, 1993:2], Е. В. Урысон [Урысон, 1995: 3-12], А. Д. Шмелева [Шмелев, 1997: 523-540]. Включая в устройство внутреннего человека душу, дух, сердце, ум (разум, рассудок), память, совесть, воображение, фантазию, волю, способности, чувства, нутро, чутье, нюх, мозг (мозги), инстинкт, интуицию, печень (печенку, печенки) и грудь (метонимический заменитель сердца), исследователи представляют внутреннего человека в виде сложной системы органов «Душевной» Жизни (систем и подсистем), совместно с обычными органами и системами человеческого тела обеспечивающих возникновение, развитие и проявление различных психических реакций и состояний.

Во-вторых, может учитываться внешнее выражение (симптоматика) внутреннего человека. Представление о внешних проявлениях внутренних состояний и качеств человека, формирующее наивную языковую картину мира, провозглашает заложенную в ней идею целостности человека, то есть единства его внутренних (душевных) и

внешних (физических) ипостасей. Язык в этом смысле оказывается многофункционален: то или иное явление психики может быть представлено в речи как протекающее внутри человека, не выходящее за пределы его внутреннего мира и как наблюдаемое, проявляющееся вовне – в поступках человека, его мимике, жестах, позе, движениях, речи и т. п. Изучение «Симптоматики» Психического составляет, таким образом, еще один важный аспект лингвоантропологических исследований, к которому обращались Ю. Д. Апресян [Апресян, 1995: 37-68], Е. М. Вольф [Вольф, 1989: 55-74], О. В. Коротун [Коротун, 2001: 68-70], Л. Б. Никитина [Никитина, 2002: 89-92], В. И. Убийко [Убийко, 1998:] и др.

В-третьих, внутренний человек может быть представлен как микрокосм. Таким его можно увидеть в исследованиях, направленных на расшифровку метафоры, при помощи которой вскрываются абстрактные понятия, представляющие систему внутреннего человека, область его чувств. В зависимости от того, что положено в качестве интегрирующего компонента в основу семантического анализа образных выражений – представление о каком-либо конкретном, чувственно воспринимаемом предмете, служащем ассоциативно-

образным основанием метафорического обозначения или о некоем метафорически переосмысленном качественном признаке объекта физического мира, – определяют тип модели лингвистической интерпретации (работы Ю. Д. Апресяна [Апресян, 1995: 37-68], Ф. Уилрайт [Уилрайт, 1990: 82-110]).

Реконструкция языкового образа внутреннего человека в нашей работе осуществляется с опорой на формализованные, получившие системно-языковое воплощение смыслы – семантику субстантивов, употребляющихся в современном русском и таджикско-персидском языках для номинации человека по его внутреннему признаку. Материалом исследования послужила авторская картотека русских и таджикско-персидских лексических единиц, насчитывающая 2534 единицу (750 русскую, таджикскую –1000 и 1500 персидских). Лексические единицы, представляющие тематическую группу «внутренний человек», отбирались методом сплошной выборки из дифференциальных лексикографических источников (Фарханги забони тоҷики, персидско-русский словарь, толковый словарь русского языка (4-х т.), словарей синонимов и антонимов русского языка). Использование лексикографического материала

было продиктовано тем, что в словарях зафиксированы наиболее употребительные лексические единицы русского и таджикско-персидского языков, в которых сохранено то, что выкристаллизовалось в процессе взаимодействия разных форм бытования языка в ходе реальных речевых взаимодействий носителей языка, что позволяет получить объективные данные в сопоставительном плане. Кроме того, словарные толкования дают самые общие и главные представления о семантике слов, так как описанию в лингвистике подлежит системное или общеязыковое значение, которое обеспечивает взаимопонимание между носителями языка в процессе коммуникации. Классификация данных единиц производилась с опорой на критерии как внелингвистического, так и сугубо лингвистического характера.

Настоящее исследование выполнено в русле лингвоантропологических исследований и посвящено описанию внутреннего человека (человека во всем многообразии его психических состояний, действий, реакций, характеристик) как фрагмента русской и таджикско-персидской языковой картин мира в рамках соответствующей лексико-семантической группировки, наполнение которой осуществлялось путем обращения к

словарным дефинициям слов.

Если говорить о лексико-семантических группах, то они отличаются от всех остальных традиционно выделяемых парадигматических объединений слов прежде всего тем, что представляют собой класс слов одной части речи, то есть имеют общую категориально-грамматическую сему, и поэтому обладают большей смысловой близостью. Характерной чертой единиц лексико-семантической группы также является сходство сочетаемости и широкое развитие функциональной эквивалентности. Принципиальное отличие лексико-семантических от других словесных группировок ученые видят в том, что лексико-семантические группы, объединяя слова с близкими и сопоставимыми значениями, организованы, прежде всего, на базе языковых, парадигматических связей, сохраняя при этом некоторую связь с миром вещей и сферой понятий. Таким образом, под лексико-семантической группой слов мы будем понимать организацию слов одной части речи, объединенных интегральным семантическим компонентом.

Прежде всего обратимся к определению базовых для нашей группировки понятий, а конкретно – к тем из их

значений, которые являются значимыми для нашей лексико-семантической группы:

Качество – «то, что делает предмет таким, каков он есть; одна из основных логических категорий, являющаяся определением предмета по характеризующим его, внутренне присущим ему признакам», «О вещах и лицах: положительная или отрицательная характеристика, свойство, черта кого-чего-нибудь (в сочетании с оценочными определениями, а без определения преимущественно имеет смысл положительной оценки; то же, что достоинство; *Книжн.*)» (здесь и далее толкования приводятся по Большому толковому словарю русского языка [БТС, 2000]).

Признак – «та сторона в предмете или явлении, по которой его можно узнать, определить или описать, которая служит его приметой, знаком».

Внутренний – «находящийся внутри, обращенный внутрь», «*Перен.* Находящийся, содержащийся более глубоко, скрытый за чем-нибудь внешним», «Относящийся к личной душевной жизни *Книжн.*».

Исходя из понимания данных реалий, в состав исследуемой группировки мы включали лексемы, словарное определение которых содержит такие

компоненты как «Человек, любящий заниматься чем-либо», «Тот, кто склонен делать что-либо», «Тот, кто занимается чем-либо», «Человек, отличающийся чем-либо» и др.

Общепризнанно, что внутренний мир человека – это уникальный объект познания. Его уникальность заключается в возможности лишь опосредованного наблюдения и недостаточной эмпирической уловимости. Даже несмотря на очевидность существования многообразных психических явлений в форме мыслей, переживаний, представлений, чувств, побуждений, желаний и т. д., даже психология – наука, сфокусировавшая все свое внимание на человеческой психике, не может сделать эту реальность объектом непосредственного исследования: ученые ищут другие объекты и только через их изучение предпринимают попытки делать выводы о человеческой психике. В этом смысле полезными оказываются, на наш взгляд, и лингвистические исследования, которые через язык раскрывают и описывают сущность недоступных для непосредственного восприятия реалий действительности, таких, в частности, как внутренний мир человека.

Внутренний мир человека репрезентируется в языке

очень своеобразно, поскольку, как утверждают исследователи, «Язык – это не только знаковая система, приспособленная к передаче сообщений, но и компонент сознания человека и как таковой участвует в сотворении мира психики и знания» [Телия, 1987: 65].

Будучи фрагментом языковой картины мира, языковой образ внутреннего человека имеет все присущие ей существенные отличия от традиционных, выработанных в процессе познавательной деятельности человека научных моделей мира.

Безусловно, он не может претендовать на абсолютную цельность, полноту и непротиворечивость в силу того, что создавался на протяжении длительного времени разными поколениями людей. Мы неизбежно сталкиваемся с тем, что в языковом образе человека научное соседствует с наивным, реалистическое, эмпирически подтверждаемое – с фантастическим, мифопоэтическим. Он лишен упорядоченности и системности, но вместе с тем языковой образ человека (внутреннего в частности) представляет собой воплощение сути тех представлений о человеке, которые фиксируются всей системой языковых единиц, он объемлет и характеризует все семантическое пространство языка.

Кроме того, языковой образ внутреннего человека, в отличие от его рационально созданных научных моделей, не осознается или слабо осознается носителями языка, ибо представления, его образующие, существуют, главным образом, в качестве внутренней, содержательной формы языковых и речевых единиц. Формирующие языковую картину мира представления о мире, в том числе о внутреннем мире человека, находящие отражение в семантике языка, в спонтанной речи как бы «Навязываются» Всем говорящим на нем в качестве обычных, стереотипных, конвенциональных способов репрезентации реальности, так как они относятся в своем большинстве к «Области действия бессознательной социальной психологии» [Поставалова, 1989: 22].

Очевидно, что внутренние свойства человека не так просто заметить, как, например, поведенческие характеристики, лежащие на поверхности. С другой стороны, именно поведение человека, позиционирование себя в социуме отражает особенности его внутреннего мира и состояния. Поэтому очень часто лексемы, в семантике которых отражены внутренние качества человека, номинируют его по поведению, образу жизни, по конкретным поступкам, по той социальной роли, которую

он выполняет в обществе, по отношению к каким-либо объектам действительности и т. д.

Здесь уместно заметить, что любое значение может быть выражено в любом языке. Однако при анализе структуры значения нас интересует не то, какими средствами выражается данная категория плана содержания в языке, а то, какие смысловые категории формируют данное значение слова.

Семантическая структура языка проявляет известную аналогию с его грамматической структурой. Слова делаются не только на грамматические классы (части речи), но и на семантические классы (лексико-семантические группы – ЛСГ).

Исследование значения слова возможно лишь путем его сравнения со значениями других слов той же ЛСГ. Это сравнение принимает форму истолкования, «перевода» посредством как знаков того же языка, так и знаков другого языка [Гак: 1998,213]. Поэтому в семантических исследованиях наряду со внутриязыковым анализом издавна применялся межъязыковой сопоставительный метод.

Сопоставительный межъязыковой анализ может быть успешно использован для разграничения ЛСГ и уточнения

их состава. Все вышеизложенное проиллюстрируем на материале русского и таджикско-персидского языков.

Отобранные нами существительные, которые характеризуют человека по его внутреннему качеству, можно, на наш взгляд, разделить на несколько подгрупп, в зависимости от семантической структуры каждой из единиц. Следует при этом оговориться, что границы между указанными группами весьма условны, четко разграничить их практически невозможно, так как большинство слов характеризуют человека не по одному конкретному признаку, а по целому набору внутренних качеств, но все эти единицы объединены интегральным признаком 'лицо как носитель некоторого внутреннего признака'. Среди них:

1. Существительные, которые номинируют человека непосредственно по определенному качеству его характера, а также некоторым заложенным в нем природным способностям, например, в русском языке: *Завистник* - «завистливый человек»; *Недоτροга* - «обидчивый, чрезмерно щепетильный человек»; *Неженка* - «изнеженный человек»; *Подлец* - «подлый человек, негодяй»; *Простак* - «простодушный человек»; *Размазня* - «о вялом, нерешительном человек»; *Рохла* - «медлительный,

нерасторопный человек»; *Трус* - «человек, легко поддающийся чувству страха»; *Циник* - «циничный человек»; *Честолюбец* - «излишне честолюбивый человек» и др.

Лексическое значение «постоянно завидующий, полный зависти» лежит в основе общности лексико-семантической группы таджикского языка: *Бахил* – «касе, ки чизеро ба нафъи дигарон раво намебинад» (тот, кто не хочет, чтобы выгода досталась другому); *Лаим* – (с ДСП «нокас, паст – ничтожество, низкий»; *Нотавонбин* (с ДСП «не имеющий желания признать»); *Хасис (Мумсик)* – (с ДСП «паст; бе кадру кимат» - («низкий; не имеющий цену»).

Важно заметить, что данная лексико-семантическая группа в персидском языке практически полностью совпадает с таджикским языком, за исключением того факта, что персидский язык располагает гораздо большим количеством словарных единиц для выражения значения «завидующий, низкий, ничтожество»: *بخيل* (бахил) – 1) завистливый человек; 2) скупой, жадный, скаредный; *حسدناک* – (насаднак) – 1) завистливый; 2) ревнивый; *جوکی* (джуки) – 1) разг. скупой, скаредный; *خسیس* (хасис) – 1) скупой, жадный, скаредный; мелочный; 2) низкий, подлый;

низменный; 3) скупец, скряга; ليم (лаим) – 1) ничтожество, низкий; .

По лексическому значению «обидчивый, не терпящий вольного обращения человек» в таджикском языке выделяется семантическая группа: *Нозуктинат* – «касе, ки табиаташ нозук аст; зудранч» - («тонкая натура», «тот, кто быстро обижается»); *Нозукдил* – «хассос, нармдил; зудранч» - («с мягким сердцем»).

В персидском языке исходное значение отражено в следующих словах: *نونکرل* (тонокдэл) – 1) «тонкое сердце»; добрый, милосердный; *جگرخور* (джегархор) – 1) сердобольной, сострадательный; 2) грустный печальный; *دلنرم* (дэлнарм) – 1) мягкий; отзывчивый; жалостливый; *نازکدل* (назокдел) – 1) мягкосердечный, жалостливый; 2) чувствительный; впечатлительный; обидчивый, легко ранимый.

Значением «изнеженный человек» в таджикском языке обладают следующие лексические единицы *Нозпарвар* – «он ки бо нозу неъмат ва мехрубониho парвариш ефтааст» - («тот, кто был воспитан любовью, нежностью»), *Эрка* – (с ДСП «бачае, ки тарбияти дуруст наефтааст» - («плохо воспитанный ребенок»). В персидском – *دامدمايماداج* (дамдамимазадж) – 1) разг.

капризный, непостоянный, изменчивый, ветреный (о ком-л.).

Лексическое значение «тот, кому свойственно обманывать доверие других людей и наносить им ущерб для достижения своих целей; подлый человек» лежит в основе лексических единиц *Ночинс* – «нокас, паст» – («ничтожество, низкий»), *Номард* – «ноинсоф, нокас; с ДСП 2) бегайрат; тарсончак» – («бессовестный, низкий; 2) трус»), *Разил* – «паст, нокас» – («низкий, ничтожество»), *Фурумоя* – «бадасл, пастфитрат с ДСП *бекадру кимат, камбахо, ночиз*» – («низкий, подлый, неблагородный; бесценный (отрицательный оттенок), неценный, обесцененный»); *חס* (хас) – 1) низкий, подлый человек; 2) хворост, валежник; 3) мелкая солома, соломинка; *חסיס* (хасис) – 1) скупой, жадный, скаредный; мелочный; 2) низкий, подлый; низменный; 3) скупец, скряга; *חביס* (хабис) – 1) гадкий, скверный, мерзкий; *בדזעהד* (баднехад) – 1) злой, скверный, мерзкий; 2) низкий, подлый; 3) с дурными наклонностями; *באליקאר* (балайекар) – 1) бессовестный; мерзкий, низкий (о ком-л.); *פסטפטרט* (пастфэтрат) – 1) низкий, подлый; *פיסנדהד* (пастнэhad) – 1) низкий, подлый; гнусный, неблагородный; *אחס* (ахас) – 1)

книжн. самый подлый из людей; دغا(дагал) – 1) разг. быть низким, презренным человеком и т.д.

В таджикском и персидском языках значение «простодушный или недалекий человек» отражается в следующих словах: **Аблах** – «ахмак, беакл, нодон; с ДСП «бетамиз, бефахм, кундфахм» – («дурак, глупец») 2. нерассудительный, непонятливый, глупый, бестактный, невоспитанный»), **Гул** – «ахмак, нодон с ДСП бедониш» - («глупый; невежественный»), **Соддалавх** – «содадил, нодон» - («с чистым сердцем, темный, невежественный, невежда, глупец»); انله(аблах) – 1) глупый; тупой, бесталковый; 2) глупец, дурак, идиот; فريخور(фарибхор) – 1) легковерный, доверчивый; 2) легковерный человек, простак; گاوريش(гавриш) – 1) редко. глупый; 2.глупец, дурак; لايقل(лайагел) – 1) глупый; неразумный (о ком-либо); چلمند (чолман) – 1) разг. вялый, слабый; 2) глупый; 3) простофиля, дурачок.

Значение «медлительный, нерасторопный человек» прослеживается в словах **Лаванд** لوند «харзагард, хечкора с ДСП худсар, мард ва е зани бадахлок» - («бездельник; тот, кто не прислушивается мнения других; мужчина или женщина с плохим поведением»), **Мухмал** مهمل «бе эътибор гузошташуда, тарк кардашуда; ахамият надодан; с

ДСП сахл ва беахамият шумурдашуда » - (оставленный без внимания, покинутый, не обращать внимания; 2) никчемный), *Сахлгир* سهلگیر «бепарво, мусолихакор, хунсард, осонгир» - («беспечный, несуразный, никчемный, беззаботный»). Близки по своей семантике к рассмотренным группам слов также существительные *Забун, Заиф, Нокобил*, имеющих в своих основных значениях компоненты «медлительный, нерасторопный». *Забун* – زبون «нотавон, заиф, суст» - («слабый, бессильный, немощный»), *Заиф* – ضيف «суст, камкувват, нотавон» - («слабый, малосильный»), *Нокобил* – ذاقابل «белаекат, бекобилият; с ДСП беакл» - («неспособный, неодаренный; глупый»). Следует заметить, что данные группы в таджикском и персидском языках совпадают.

По лексическому значению «тот, кто легко поддается чувству страха или тревоги» в таджикском языке идентифицируются существительные *Бадзахра, Бедил, Буздил, Говдил, Тарсчин*. *Бадзахра* – «сустдил, тарсу, буздил, тарсанда, камчурьят, бечасорат» - («со слабым сердцем, пугливый, с козлиным сердцем, несмелый, робкий»), *Бедил* – «дилдода, дилбохта, мафтун с ДСП ошик, ошики бекарор; 2) бемехру мухаббат; 3) камчигар, тарсончак, тарсу, буздил» - («возлюбленный (ая),

влюбленный (ая); 2) равнодушно; 3) имеющий мало печени, трус»), *Буздил* – «тарсончак, тарсу» - («трус»), *Говдил* – «1) киноя аз аблах, нодон, бехирад; 2) киноя аз тарсончак, буздил» - («1) пер. глупец; 2) пер. трус»). *Тарсгин* – «он ки метарсад, тарсанда, тарсончак» - («тот, кто боится, трус»). В персидском – *وافوری* (вафури) – 1.разг. трус, слабый человек; *اتکالی* (этгэкали) – 1) человек, неуверенный в себе, в своих силах; *افندیپیزی* (афандипизи) – 1) разг. ирон. трусливый; 2) трусливый, несмелый; *بیدل* (биддэл) – 1) трусливый, малодушный; *بوزدا* (боздэл) – 1) «козлиное сердце», малодушный, трусливый; 2) трус; *بیدل* (бидэл) – «без сердца» 1) страстно влюбленный; 2) печальный, скорбный; грустный; 3) малодушный, трусливый; *خردل* (хардэл) – «ослиное сердце» 1) трусливый; малодушный; 2) трус; *رمذه* (рамандэ) – 1) пугливый, трусливый; 2) разг. замкнутый, необщительный; *شتردل* (шотордэл) – «с верблюжьим сердцем» трусливый, боязливый.

Значением «циничный человек» в таджикском языке объединяются слова *Беномус*, *Беозарм*, *Лул*, *Хирнигох*, *Хирачаим* и словосочетание *Одами беор*. *Беномус* – («бесчестный, позорный, бесстыдный»), *Беозарм* – «бешарм, бехае» - («бессовестный, бесстыдный»),

Вакехахуй – «бадахлок, бешарму хае» - («тот, у кого плохое поведение, бессовестный»), *Лул* – «бешарм» - («бессовестный»), *Хиранигох* – «бешарм, бехае» - («бессовестный»), *Хирачаим* – «бешарм, бехае» - («бесстыдный»), *Одами беор* – («бесцеремонный, бессовестный»), следует заметить, что лексема *беор* употребляется также в значении «неприхотливый», например, «*растанихои беор* - неприхотливые растения». В персидском – *بیچشمورو* (бичешмору) – 1) неблагодарный; 2) бесстыжий; наглый, бессовестный; *بیرو* (биру) – 1) бессовестный, бесстыжий; *پردهدر* (пардэдар) – разглашающий тайны, секреты; 2) стремящийся опозорить; 3) наглый, бессовестный; *پرفریب* (порфариб) – 1) коварный, хитрый; 2) насквозь лживый; *گستخروی* (гостахру(й)) – 1) бесстыжий, нахальный; 2) бесстыдник, нахал; *چشمزاغ* (чешмзаг) – 1) голубоглазый; 2) бесстыдный; наглый, нахальный.

Наконец, по лексическому значению «излишне честолюбивый человек» в таджикском и персидском языках отождествляются слова *Мансабнараст*, *Шухратнараст*. *Мансабнараст* – («карьерист»), *Шухратнараст* – («честолюбивый, честолюбец»); *بادرسر*

(баддарсар) – 1) высокомерный; тщеславный; спесивый, кичливый.

Известно, что каждый лексико-семантический вариант в структуре слова характеризуется собственным значением – словозначением. Отдельные лексико-семантические варианты обладают способностью входить в различные лексические совокупности – в ЛСГ и т.д., образуя сложную систему перекрещивающихся семантических связей, что зрелищно затрудняет исследование. Логически предположить, что основу системной организации лексики составляют лексические совокупности, образованные единицами в их главном значении. Такие множества можно считать центральными. Главное значение исследуемых субстантивов, как было сказано, характеризует семантический компонент «внутренний мир человека». Этот признак определяет семантическую плоскость, в пределах которой рассматриваются отдельные лексико-семантические варианты. Тем самым из многомерного пространства мы переходим в одномерное.

Как показало исследование, структура группы субстантивов, характеризующих природно-приобретенных свойств человека более сложна.

Данная группа была разграничена нами на эмоциональную и волевою подгруппы, которая проводилась на основе установления связи с разными сторонами психики человека. Названные подгруппы различны как по своему численному составу, так и по набору сем, составляющих семантической структуру каждой единицы.

В подгруппу лексико-семантических вариантов слов, называющих эмоциональные свойства, на основании дифференцирующей семы «форма выражения эмоций» нами были выделены два ряда единиц: 1) единицы, содержащие сему «эмоциональное состояние» и 2) единицы, содержащие сему «эмоциональное проявление». На основании словарных и внутрисистемных отношений практически у всех единиц подгруппы эмоциональных свойств в сопоставляемых языках выделяются семы «оценка», «характер оценки» и «степень оценки». Далее более подробно рассмотрим единицы первого ряда.

Весельчак – «веселый человек, забавник». Его семантическим эквивалентом в таджикском и персидском языках выступают следующие лексические единицы: *Базлагу*, *Хандон*, *Ширинкор*, *Шух*. *Базлагу* – «остроумный рассказчик, остряк, шутник». *Хандон* – «смеющийся, улыбающийся; 2. веселый, радостный», *Ширинкор* – «1.

шутник; балагур, весельчак; выдумщик, забавник; насмешник; 2. веселый, шутливый», *Шух* – «1. шалун, баловник, проказник, озорник; 2. живой, игривый; шаловливый, озорной»; *الدذنگ*(алданг) – 1) разг. 1) беспечный, легкомысленный; веселый; *پرنشاط*(порнэшат) – 1) очень веселый, радостный; *دلفک*(далгак) – 1) шут, клоун; 2) несерьезный, легкомысленный человек; *شوخ* (шух) – 1) шутник, балагур; 2) кокетка; 3) красацев, красавица.

Оптимист – «человек оптимистического склада». Эквивалентом данной единицы в таджикской языке являются слова: *Некбин, Некхох, Зиндадил*.

Некбин – «1. оптимист; 2. доброжелатель»; *Некхох* – «доброжелательный, благожелательный, благосклонный»; *Зиндадил* – «веселый, жизнерадостный, бодрый, оптимистичный». В персидском – *خوشبین*(хошбин) – 1. дослв. «видящий хорошее».

Пессимист – «человек пессимистического склада». Лексическое значение «упавший духом, удрученный» лежит в основе общности единицы *Маъюс*, сочетания *Одами рухафтода* (*ноумед*). *Маъюс* – «отчаявшийся, потерявший надежду»; *Одами рухафтода* – «1. упавший духом, пессимист; удрученный»; *Одами ноумед* – «1. потерявший надежду; упавший духом, отчаявшийся; 2.

пессимист». В персидском – *بدبین*(бадбин) – 1. дослв. «видящий плохое»

Лексические единицы, содержащие сему «эмоциональное проявление» отличаются сложностью своей структуры и объемом.

В данный ряд русского языка были включены следующие субстантивы: *Крикун*, *Баловень*, *Шалун*, *Брюзга*, *Ворчун*, *Озорник*, *Егоза*.

Крикун – «1. человек, который много кричит (чаще о ребенке); 2. человек, который говорит много и попусту». Слово *Крикун* переводится на таджикский словами *Шавкунчи* (от *шавкун* – шум, крик, гвалт), *Гавго-гар* – (от *гавго* – 1. крик, шум, гам; 2. скандал, ссора), *Шаттох* – («сварливый, скандальный; грубый; дерзкий; грубиян»). Персидским эквивалентом русского *Крикун* является лексема *جيفجيفو* (джигджигу), обладающая двумя значениями – 1. Разг. визгливый, крикливый; 2. Визгун, крикун.

Баловень – «человек, которого балуют, которому во всем потворствуют». В таджикском языке значение «балованный, избалованный» лежит в основе семантики таджикских существительных *Эрка*, *Нозпарвард(а)*. *Эрка* – «1. неженка; баловень; 2. балованный, избалованный».

Нозпарвард – «изнеженный, избалованный». Лексическая единица персидского языка حاجیزده (хаджизаде) – имеет два значения, что обуславливает вхождения ее в две ЛСГ: 1) избалованный сын богатых родителей; баловень; 2) мот.

Брюзга – «брюзгливый человек». Слово *Брюзга* переводится на таджикский язык лексическими единицами *Гинг-гингкунанда* – («от *гинг-гинг* – 1. слабый жужжащий звук, жужжание; 2. разг. хныканье; надоедание; приставание»), *Ник-никкунанда* – («тот, кто постоянно жалуется, ноет»), *Нолишгар* – «нытик». Персидским эквивалентом лексемы *Брюзга* является звукосочетание *نقنقو* (нэгнэгү) – 1) разг. плакса, нытик; 2) ворчун, брюзга.

Озорник – «тот, кто озорничает (обычно о детях). По лексическому значению «озорной, задиристый» в таджикском языке выделяются лексемы: *Балоча* – «уменьш. от *бало* – озорник, проказник (о ребенке)); *Чангара* – («скандалист; драчун; забияка; 2. драчливый, задиристый»). В персидском – *بازیکوش* (базигуш) – 1) игривый, шаловливый; 2) беззаботный; легкомысленный; 3) а) шалун, проказник, озорник; б) повеса, шалопай.

Егоза – («суетливый, слишком подвижный человек, непоседа (обычно о детях). Семантическим эквивалентом слова в таджикском языке *Егоза* выступают сочетания

Одами бекарор (саросема, бесаранчом). Эквивалентом субстантива *Егоза* в персидском языке является прилагательное – باشکييا 1) нетерпеливый; несдержанный, беспокойный; 2) суетливый; беспокоящий; взволнованный; 3) редко. влюбленный.

При анализе лексических единиц, содержащих сему «эмоциональное состояние» на материале таджикского и персидского языков появилась возможность выделить подгруппы производных от лексем *дил* – دل *сердце*:

Сердце – символ во многих культурах. В русской культуре это место локализации эмоции. Интересно, что в китайской наивной картине мира эмоции локализуются в почках, в африканской – в печени и в носу, во французской – в селезенке [Маслова, 2007: 138]. В таджикской и персидской картинах мира *дил* –

دل обозначает средоточие эмоций и символизирует чувства, переживания, настроения. Прокомментируем положение иллюстративным материалом: *Дилафсурда*, *Дилношод*, *Дилреш*, *Дилсухта*, *Дилтанг*, *Хуниндил*, *Хунинчигар*, *Шодондил*.

Дилафсурда – «мурдадил, берух, бехиссу харакат» - («1. *бесстрастный; вялый, апатичный*; 2. *унылый, печальный, грустный*»).

Дилношод – «гамгин, махзун» - («печальный, грустный, огорченный; унылый; заунывный; тоскливый»).

Дилреш – «1. хастадил, дилозурда, дилафгор; 2. ошик» - («1. опечаленный; обиженный; огорченный; 2. *пер.* влюбленный»).

Дилсухта – «1. дилшикаста; гамгин; 2. *мач.* ошики дилфигор, ошики ноком» - («1. с разбитым сердцем; сильно опечаленный; 2. разочарованный; отчаявшийся; 3. *пер.* опечаленный возлюбленный, потерявший надежду»).

Дилтанг – «озурда, ранчида, гамгин, зик» - («огорченный, обиженный, расстроенный, измученный»).

Хуниндил – «киноя аз касе, ки гусса мехурад» - («1. скорбящий; опечаленный»).

Хунинчигар – «1. киноя аз бисьер андухгин, гамнок, сахт гамгин» - («скорбящий, полный горя и печали»). Как видим, единицы подгруппы образуют синонимический ряд – каждый последующий член которого выражает более высокую степень проявления называемого свойства – на этом основании выделяется сема «степень оценки», например: *Хундил* и *Хунинчигар* – («печальный и полный горя, печали»).

В персидском – دلافتاده (дэлафтоде) – «огорченный; печальный; с разбитым сердцем

دلافروز (дэлафруз) –

«веселый, радостный»; دلافسرده (дэлафсурдэ) – «с разбитым сердце; расстроенный; опечаленный»; دلافگار (дэлафгар) – «с болью в сердце; опечаленный; унылый»; دلازرده (дэлазардэ) – «обиженный, огорченный; расстроенный; опечаленный»; دلباخته (дэлбахтэ) – страстно влюбленный; 2) редко. робкий, боязливый»; دلچرکيز (дэлчеркин) – «разг. обиженный; опечаленный; брегливый»; دلتنگ (дэлтанг) – «грустный, печальный»; دلخوش (дэлхош) – «довольный; радостный, веселый; в хорошем настроении»; دلزنده (дэлзэндэ) – «живой, энергичный; жизнерадостный; веселый»; دلشاد (дэлшад) – «веселый, радостный; довольный».

Сердце олицетворяет «центральную» мудрость, мудрость чувства в противовес рассудочной мудрости головы. Оба способа разумны, но сердце – это еще и сострадание. Вот некоторые примеры из литературы:

کنيی هرچه بکن مکن ترک من ایی نگار من
 هرچه بری بیبر مبر سنگدلیی به کار من
 هرچه کشی بکش مکش باده به بزم مدعی
 هرچه خوری بخور مخور خون دل فگار من

[Шуриде Ширози, 1990: 90]

(Делай все, что твоей душе угодно, только не покидай меня,

Тащи все, что твоя душа пожелает, но жестокость ко мне не проявляй. Наливай все, что пожелаешь, не наливай вина на пиру соперника, Пей все, что угодно, лишь не пей крови моего разбитого сердца).

Нетрудно заметить, что входящие в состав данной подгруппы слова, при всем разнообразии и сложности своих лексических значений, имеют общий семантический компонент «печаль, грусть». Лишь лексические единицы *Шодондил*, دلخوش, دلزنده, دلشاد – «дилшод, хуррамдил, хушхол» - («радостный, обрадованный; веселый; довольный») – содержат эмоциональную сему «радость».

Важно также заметить, что лексические единицы, входящие в данную подгруппу таджикского и персидского языков, образованы посредством словосложения – один из продуктивных способов словообразования в системе данных языков: *дилреш* – *дил+реш*; *дилтанг* – *дил+танг* и т.д. Семантический объем такого сочетания в силу слияния двух слов, каждое из которых имеет свои дополнительные оттенки

и стилистические нюансы, оказывается большим, нежели каждого из компонентов в отдельности.

Подгруппу наименований волевых свойств характеризует четкость внутрисистемных отношений. Единицы подгруппы образуют два противопоставленных ряда с отчетливо выраженной семой оценки: в русском языке: *Смельчак, Храбрец, Удалец*, с одной стороны, и *Трус, Строптивец* – с другой; в таджикском языке: *Батал, Гуроз, Далер, Девдил, Дилангез, Кавидил, Чигаровар* и *Буздил, Якрав*. В персидском языке – جانباز (джанбаз) – 1) рискующий жизнью; бесстрашный, отважный; 2) отважный человек; храбрец, смельчак; сорвиголова; 3) уст. канатный плясун, канатоходец; چيره (чире) – 1) победоносный; победивший; 2) смелый, отважный; 3) победитель; смельчак; دلاور (дэлавар) – 1) мужественный, храбрый, отважный; героический; 2) храбрец, смельчак; герой; 3) поэт богатырь, витязь; 4) и.с.м. Делавар; دلير (далир) – 1) храбрый, смелый; доблестный; 2) храбрец, смельчак. Семы с негативной оценкой – بزدل (боздэл) – 1) малодушный, трусливый; 2) трус; ترسو (тарсу) – 1) трусливый, боязливый, пугливый; малодушный; 2) трус; جبان (джаб(б)ан) – 1) книжн. трус, малодушный человек; 2) трусливый, малодушный; خايف (хайеф) – 1) книжн.

боящийся, опасующийся; боязливый, трусливый; робкий;
 2) трус; خردل(хардэл) – 1) трусливый; малодушный; 2) трус;
 مخنث(моханнас) – 1) гермафродит; 2) пассивный педераст;
 3) женоподобный мужчина; 2) трус, баба;
 ناجوانمرد(наджавонмард) – 1) неблагородный, подлый; 2) трусливый;
 малодушный; 3) невеликодушный; нещедрый;
 4) мелочный, скупой; 5) неблагородный, нечестный человек;
 подлец; نادلیر(надэлир) – 1) несмелый, трусливый; 2) трус;
 ناکس(накас) – 1) низкий, подлый, бесчестный; презренный;
 2) негодяй; подлец; презренный человек; نامرد
 (намард) – 1) трусливый, малодушный; 2) подлый, низкий; бессовестный;
 вероломный; 3) трус; 4) негодяй, подлец; вероломный человек;
 وافوری(вафури) – 1) разг. трус, слабый человек; 2) слобовольный, слабохарактерный; 3) вялый,
 инертный.

Следует заметить, что почти 80 % слов группы природно-приобретенных свойств в сопоставляемых языках, характеризуют человека по какому-то негативному признаку (*Зануда* – «занудливый человек» - *Мичинг*;
 كجخلق(каджхолг) – 1) с плохим характером; дурного нрава; сварливый;
 ворчливый; раздражительный; *Злюка* – «тот, кто постоянно злится из-за плохого характера» - *Бадкахр*;
 بدنهاد(баднэһад) – 1) (о ком-л.) злой, зловредный; скверный,

мерзкий; 2) низкий, подлый; 3) с дурными наклонностями; *Невежа* – «грубый, невоспитанный человек» - *Дагал*; *کالوس* (калус) – 1) редко. глупец, дурак; невежа; *اوباش* (оубаш) – 1) бродяга; 2) хулиган, головорез; 3) невежа, грубиян; 4) сброд, подонки общества и т. д.) и только шестая часть лексем указывает на некоторое положительное качество (*Альтруист* – «человек, отличающийся альтруизмом» - *Одамдуст*; *غیرخوہ* (гейрхah) – 1) альтруист; *نو عپرست* (ноупараст) – 1) альтруист; филантроп; *Смельчак* – «смелый человек»; *Удалец* – «удалой человек, храбрец» - *Диловар*; *Храбрец* – «храбрый человек» - *Часур*).

Нейтральными наименованиями в данной подгруппе можно считать слова, называющие людей по принадлежности к одному из четырех выделяемых психологами темпераментов. Следует заметить, что лексико-семантической подгруппе русского языка: *Сангвиник*, *Меланхолик*, *Холерик*, *Флегматик*, соответствует серия таджикско-персидских лексических единиц: *Сангвиник* – *Дамови*, *зиндадил*, *шух* – *مویمزاچ* (дамавимазадж) – 1) книжн. сангвиник; *Меланхолик* – 1) мед. *Малихулией*; 2) одами дилтанг (склонный к унынию человек) – *سودایی* (соудайи) – 1) меланхолический; 2)

желчный; раздражительный; 3) страстно влюбленный; 4) меланхолик; 4) желчный, раздражительный человек; *ماتومه* (матомэһ) – 1) разг. меланхолик; мечтатель; *مالخوليايي* (малихулийайи) – 1) меланхолический; 2) меланхолик; *Холерик* – *Тундфеъл, Оташинмизоч, Сафроимизоч*; *صفر ايمزاج* (сафраимзадж) – 1) желчный (о ком-л.); 2) холерик; 3) желчный человек; *Флегматик* – *Одами хунсард, бепарво, карахту вазнин*; *بلغمميزاج* (балгамимэзадж) – 1) флегматический; 2) флегматик.

В данную подгруппу нами также были включены такие лексемы русского языка, как *Скромник* – «скромный человек», *Смиренный* – «смиренный человек» которым в таджикском языке соответствуют: *Одами хоксор; Хоксор*. В персидском языке данная подгруппа представлена серией лексических единиц, которые могут приобретать в определенном контексте (ситуации) более позитивный или негативный оттенок: *Скромник* – *شرمرويي* (шармру(й)) – (о ком-л.) стыдливый, застенчивый, робкий, скромный; *شکسته نفس* (шекастэнафс) – (о ком-л.) – скромный, простой; *درويش* (дарвиш) – 1) дервиш; 2) нищий бродяга; 3) нищий, попрошайка; 4) странник; бродяга; 5) беззаботный, беспечный человек; 6) скромный, простой человек; *خاکسار* (хаксар) – 1) скромный, простой; 2) редко.

смиранный; покорный; 3) презранный; ничтожный, жалкий; 4) запыленный; بيالليش (биалайеш) – 1) непорочный, незапятнанный (о чем-л.); 2) бескорыстный (о чем-л.); ~ آدم – простой человек, скромный человек; افتادهحال (офтадэгал) – 1) скромный, простой (о ком-л.) 2) павший духом, в подавленном настроении. Смираннык – خاكسار (хаксар) – 1) скромный, простой; 2) редко. смиренный; покорный; حلقههگوش (халгэбэгуш) – 1) рабски преданный; рабски покорный; смиренный; 2) рабски преданный человек; покорный, смиренный человек; 3) раб, невольник.

2. Поведение человека, образ жизни, позиционирование себя в обществе характеризуют в сопоставляемых языках следующие лексемы: *Безобразник* – «тот, кто безобразничает, озорник» – *Бадкирдор* – «бадамал; с ДСП бадфеъл, бадкор, бадху; с ДСП саркаш» - («злодей, изверг; злой, тяжелый (о характере); упрямый, тот, кто отказывается повиноваться»); *Обыватель* – «человек, лишенный общественного кругозора, живущий только мелкими личными интересами»; *Худбин* – «касе, ки танхо манфмати худро дар назар дорад» - («тот, кто действует исключительно в своих интересах»); *Выскачка*

– «человек, который, выдвигая себя, стремится выслужиться или который занял какое-н. общественное положение незаслуженно, по протекции, путем происков и т. п.»; *Пеихез* – «хидматгор, навкар» - («тот, кто находится в услужении у кого-либо»); *Хулиган* – «тот, кто занимается хулиганством, грубо нарушает общественный порядок»; *Авбош* – «бадкирдор, шаттох; шурапушт» - («злодей, сварливый, скандальный, грубиян»); *Балагур* – «человек, который любит балагурить, шутник, весельчак»; *Ширинкор* – «одами шухи масхарабоз, касе, ки бо суханони ширин ва латифахои ачиб дигаронро механдонад; с ДСП хамсубхати хушхолкунанда ва чакчаки; киноя аз махбубаи шух ва хушхаракат»); *Кутила* – «человек, который проводит время в кутежах»; *Айеш* – «айшкунанда, касе, ки умр ба хуши мегузаронад; айшдуст, айшпараст» - («кутила, гуляка»); *Забияка* – «тот, кто любит затевать драки, ссоры»; *Арбадачу* – «чангчуй, ситезачуй, хангомачуй» - («1. скандальный, буйный, драчливый; скандалист, драчун, дебошир»); *Деревеница* – «о грубом, простоватом человеке, жителе деревни»; *Сахрои* – «мансуб ба сахро; биебоград; биебони; мач. вахши, мардумгурези биебонгузин» - («1. полевой; степной; 2. сельский житель, крестьянин, дехканин; 3. пер.

дикий; тот, кто избегает людей»); *Приспособленец* – «человек, который приспособливается к обстоятельствам, маскируя свои истинные взгляды»; *Дудил / Дудила* – «1. касе, ки дар ичрои коре тасмими катъи надошта бошад, калаванда дар миени ду фикр; 2. *мач.* дуруя») – («1. нерешительный, колеблющийся; сомневающийся; 2. Двуличный»); *Аферист* – «человек, который занимается аферами, проходимец»; *Каллоб* – «1. касе, ки сиккаи калб мезанад, касе, ки пули сохта месозад. 2. *мач.* сохтакор, фиребгар» - («1. мошенник, аферист, обманщик, жулик; 2. *пер.* фальшивомонетчик»).

В персидском языке – *آبِزِرْكَاه*(аб(е)зир(е)каh – 1) разг. хитрый человек; проныра; 2) пронырливый; хитрый; *ابلهفريب*(аблаһфариб) – 1) плут, шарлатан, обманщик; *پاسبک* (пасабок) – 1) разг. человек, приносящий счастье; *خاطی*– (хати) – 1) книжн. грешник, преступник; нарушитель; *خرددهگیر*(хордэгир) – 1) придира; крючкотвор; педант; *خلافکار*(хэлафкар) – 1) человек, совершающий проступок, незначительные преступления, грешник; *دستکج* (дасткадж) – 1) разг. (досл. – криворукий) вороватый, нечистый на руку; *ريزهخوار*(ризэхар) – 1) блюдолиз, паразит, прихлебатель; 2) крохобор; *کجدست*(каджаст) – 1) нечистый на руку, вороватый, жуликоватый; *مردمگريز*(мардамгориз)

– 1) нелюдимый человек; مكار (маккар) – 1) хитрец, плут, обмашщик; 2) коварный; 3) лживый, лицемерный.

Во второй группе также большинство лексем в сопоставляемых языках (около 70 %) отмечают людей по поведению, которое в данном обществе оценивается как негативное, аморальное (*Блудница* – «распутная женщина» - *Фохиша* – «1. муаннаси фохиш; 2. зани баднора» - *شيباره* (шаббаре) – 1. редко. проститутка, блудница; *نابكار* (набэкар) – *زن نابكار* - женщина дурного поведения, блудница. *Ломака* – «тот, кто ломается» - *Нозгар* – «касе, ки ноз мекунад, нозкунанда, ишвагар, гамзакунанда» - *اطواری* (атари) – 1. манерный, жеманный, кривляющийся, гриасничающий; 2. ломака, крвляя; маерный человек; *نازو* (наз) – 1. капризный; приредивы; лоающийся; жеманчающийся; 2. капризник, ломака. *Дебошир* – «человек, который устраивает дебоши» - *Арбадачуй* – «чангчуй, ситезачуй, хангомачуй» - *بدمست* (бадмаст) – 1. вребезги пьный; 2. пьяный хулиан, дебошир; *هنگامهجویی* (хангамаджуй) – скандалист, дебошир; *یکهیزن* (йек(к)ебэзан) – 1. разг. дебошир, скандалист; 2. силач; и т. д.). К таким, которые выделяют человека по поведению в положительном смысле, можно отнести только *Хлебосол* – «хлебосольный человек» -

Мехмонпараст – «мехмондуст» - نانده (нандех) – 1. гостеприимный, хлебосольный; 2. хлебосол; кормилец; благодетель. *Дипломат* – «о человеке, действующем тонко и умело» - *Одами зирак* – «окил, бафаросат, доно, тезфахм» - پليتكدان (политикдан) – 1. политик; политический деятель; 2. разг. дипломат; سياسي (сайяс) – 1. искушенный в политике; 2. умеющий ладить с другими; 3. человек, тонко и умело действующий в отношениях с другими, дипломат; سياستمدار (сийасатмадар) – политик, политический деятель; дипломат. А также в некоторых случаях – *Весельчак* – «веселый человек, забавник» - *Базлагуи* – «латифагуи, аскиягуи, одами шухтаб» - الدنگ (алданг) – 1. разг. беспечный, легкомысленный; 2) веселый, шутливый; 3. весельчак, балагур; چکه (чакке) – 1. разг. шутник, весельчак; балагур; 2. веселый, любящий пошутить; زهرهطغ (зохрэтаб) – 1. редко. кутила, гуляка, весельчак; 2. добросердечный, добрый по натуре; کیفی (кейфи) – 1. разг. наслаждающийся, блаженствующий; 2. ищущий удовольствий, наслаждений; 3. наркотик; наркоман; 3. весельчак, гуляка; مجلسارایی (маджлесарай) – душа компаний; весельчак. *Забавник* – «весельчак, шутник, умеющий забавлять» - *Шух* – «1. зиндатабиат, бекарор, бебок, чолок; 2. танноз, фаттон, ишвагар; 3. бехае,

бадхахаракат, беадаб, бешарм») – بزلهگویی (базлегуй) – шутник, забавник; комик; остряк, остролов; насмешник; دبه (даббэ) – 1. диал. забавный, потешный; 2. игривый; шуточный; 3. сдержанный, скрытный; 4. шутник; забавник; دنبال (данбал) – шут, забавник, проказник. *Спартанец* – «воздержанный, закаляющий себя в лишениях человек, довольствующийся самым необходимым»; *Риезаткаш* – «пархезгор, зохид»; *Аскет* – «человек, который ведет аскетическую жизнь»; Эквивалентом лексемы *Аскет* в таджикском языке выступают следующие слова: «1. *рел.* зохид, пархезгор; 2. *пер.* гушанишин, одамгурез» - («1. воздержанный, умеренный; 2. *пер.* благочестивый; аскет»). В персидском – خوارتن (хартан) – 1) уст. скромный; смиренный; 2) отшельник; аскет. Как видно из приведенных выше данных, и в русском и в таджикско-персидском языках преобладают лексемы с семантикой осуждения, порицания и критики нарушения одних и тех же моральных и социальных норм, представленных практически равным количеством единиц в исследуемых языках, что доказывает, во-вторых, универсальность норм в различных культурах и, во-вторых, потребность более эмоционального реагирования на отклонение от них.

3. Интересы человека, склонность к определенной деятельности фиксируют такие наименования лиц, как: *Сластолубец* – «сластолубивый человек»; *Шахватпараст* – «хавопараст, фосик с ДСП бадахлок»); *Сонливец* – «сонливый человек, соня»; *Хоби* – «ба хоб рафта, хуфта, хобида; с ДСП хобдуст»); *Придумщик* – «тот, кто придумывает, сочиняет»; *Хаели* – «1. мансуб ба хаел; 2. хаелоти, савдои»; *Савдои / Савдови* – «мансуб ба савдо (савдо – 3. хаел, орзу, хохиш; такозо; орзуи бехуда, хаели хом»); *Шутник* – «человек, который любит шутить»; *Шух* – «зиндатабиат, бекарор, бебок, чолок»; *Гуляка* – «человек, который живет праздно и разгульно»; *Иишатпараст* – «мансуб ба ишат – бо хамдигар бо хуши ва хушдили зиндагони кардан; бо хушию хурсанди зиндаги кардан; с ДСП хушдили, шодди»; *Домосед* – «человек, который любит проводить свободное время у себя дома»; *Хонанишин* – «касе, ки дар хона менишинад». По антонимическому признаку «тот, кто не любит сидет дома» выделяются лексемы: *Хонабезор* – «он ки дар хона ништастан дуст намедорад; касе ки барои хонаи худ ва оилаи худ кори фойданоке намекунад» и *Хонадушман* – «касе, ки дар хона ништастанро дуст намедорад». В

персидском языке – بطال (баттал) – 1) книжн. тот, кто бездельничает, ведет праздный образ жизни; 2) болтливый; 3) лживый, лгущий; 4) храбрый, отважный; پلیدکار (палидкар) – 1) тот, кто занимается грязными делами; непорядочный; 2) нравственно опустившийся человек; развратник; ستیزهجوی (сэтизэджуй) – 1) задира; спорщик; сутяжник; 3) упрямец; شنگول (шангул) – 1) разг. веселый, радостный; игривый, шутливый; 2) подвыпивший, веселый.

Субстантивы, характеризующие человека по склонности к некоторой деятельности, сложно разделить по признаку «положительный / отрицательный», так как отношение к разным видам деятельности весьма субъективно. Отрицательную оценку такие слова несут, когда называют лицо, занимающееся тем или иным видом деятельности слишком часто (много) (*Соня* – «сонливый, любящий много спать человек»; *Хоби* – «ба хоб рафта, хуфта, хобида; с ДСП хобдуст – тот, кто любит спать»; *Фантазер* – «человек, который любит фантазировать, мечтатель»); *Хаеландеш* – «касе, ки бисьер фикру хаел мекунад; он ки накшахои бисьери гайриамали мекашад» или же делающее это непрофессионально, неумело (*Певун* – «тот, кто любит петь много поет»; *Суруддуст*; *Плясун* –

«тот, кто пляшет»; *Раккос* – «фраксанда, усулчи, бозигар»).
Здесь уместно заметить, что лексические единицы *Суруддуст* и *Раккос* в таджикском языке не имеют оттенка «непрофессиональный». Явно негативный оттенок имеет, пожалуй, только слово *Насмешиник* – «любящий насмехаться человек». Сравнение лексических единиц данной подгруппы в сопоставляемых языках показало нам, что в персидском языке употребляются лексемы с более сложной семантической структурой, в то время как русский и таджикский языки довольствуются более простыми по семантическому составу лексемами. *Соня* на персидский передается словами *پرخواب* (порхаб) – 1) сонливый; любящий поспать; 2) ворсистый, с густым ворсом, пушистый; *چرتیی* (чорти) – 1) разг. соня; *Фантазер* – *خامادیش* (хамандиш) – 1) мечтатель, фантазер; *خیالاندیش* (хийаландеш) – 1) фантазер; мечтатель; 2) мечтательный; *خیالپرست* (хийалпараст) – 1) фантазер, мечтатель; романтик; утопист; *مردمخیال* (мардамхйал) – 1) редко. фантазер. В персидском языке нет лексической единицы аналогичной русскому *Певун*. Его эквивалентом выступают следующие единицы: *خواننده* (ханандэ) – 1) читатель; 2) чтец; 3) певец; 4) певчий (о птице); *سراینده* (сарайандэ) – 1) поющий; 2)

певец; 3) певчий; 4) поэт; *نغمه‌سرای* (нагмэсарай) – 1) певец; поэт, сам исполняющий свои песни; 2) певчий (о птице). Русской лексеме *Плясун* соответствуют персидские: *پالوب* 1) затоптанный, растоптанный; попраный; 2) редко. танцор, плясун; *پایانداز* (пайандоз) – 2) танцор, плясун; *رقاص* (раггос) – 1) танцовщик, плясун. Эквивалентом субстантива *Насмешник* в персидском языке являются лексемы: *بزله‌گوی* (базлегуи) – 1) шутник, забавник, комик; остряк, остролов; насмешник; *بهلول* (бохлуд и бахлуд) – 1) книжн. насмешник, остролов (по имени Бохлуля, остролова времен Харун-ар-Рашида); *ماتلاک‌گوی* (маталакгуи) – 1) насмешник; остролов.

4. В подгруппу интеллектуальных свойств вошли лексические единицы, связанные с процессами мышления и восприятия. Лексические единицы *Умник*, *Мудрец*, *Интеллектуал*, кроме общей для всей подгруппы семы «интеллектуальное свойство» и дифференциальной семы «обладающий умом», содержат в своем значении сему «положительной оценки», а единицы *Глупец*, *Бездарность*, *Невежда*, противостоят им наличием семы «необладающий умом» и семой «отрицательной оценки». Более подробно рассмотрим данную подгруппу. Таким образом, умственные данные, уровень интеллектуального

развития человека характеризуют следующие лексемы: *Глупец* – «глупый человек»; *Ахмак* – «аблах, гул, бефаросат, бефахм»; *Дубина* – «о тупом, глупом человеке»; *Одами дагал, ландахур* – «*Дурень* – «глупец, дурак»; *Аблах* – «1. ахмак, беакл, нодон; 2. бетамиз, бефахм, кундфахм»; *Балда* – «бестолковый человек»; *Ландахур - Бездарность* – «неспособный, неодаренный, пустой человек»; *Одами бекобилият, бехунар* – «беистеъдод ва бекобилият»; *Остолоп* – «глупец, болван»; *Хафтафахм* – «муносиб ба хафт»; *Тугодум* – «медленно соображающий человек»; *Кундзехн* – «муносиб ба кун два зехн (фахм, хуш, идрок; зудфахми); *Тупица* – «тупой человек»; *Каллакаду* – «голова и тыква», тупоголовый; *Балбес* – «бестолковый, грубый и неотесанный человек»; *Каллаварам* – «с опухшей головой»; *Невежда* – «малообразованный, малосведущий человек»; *Чохил* – «нодон с ДСП беилм». В персидском языке – *آبله*(аблах) – 1) глупый; тупой, бесталковый; 2) глупец, дурак, идиот; *آعتى*(ата) – 1) слепой; 2) непроницательный; недалководный; *باتمميز* (батамииз) – 1) сообразительный, смысленный, рассудительный, разумный; 2) умеющий различать, распознавать;

بارای (барай) – 1) умный, разумный; 2) прудусмотрительный; باشعور (башоур) – 1) разумный, сознательный, понятливый, сообразительный; باكياست (бакийасат) – 1) проникательный, прозорливый; 2) мудрый, умный; 3) сообразительный, находчивый; بدزحن (бадзехн) – 1) тупой, несообразительный;

بصير (басир) – 1) проникательный, зоркий, прозорлив; 2) осведомленный; знающий, мудрый; بيخرد (бихерад) – 1) неумный; неразумный; بيشعور (бишоур) – 1) несообразительный, непонятливый, неразумный; پخته (похтэ) – 1) опытный, зрелый, мудрый; پر عقل (порагл) – 1) умный; мудрый; хитроумный, изобретательный; پرمايه (пормаие) – 1) крепкий, насыщенный; 2) мудрый; پرهنر (порһонар) – 1) очень талантливый, очень искусный, умелый; جلف (джелф) – 1) легкомысленный; 2) дурной, глупый, слабоумный; 3) грубый; 4) разг. пустой человек; дурак, глупец; چامن (чолман) – 1) разг. вялый, слабый; 2) глупый; 3) простофиля, дурачок; خدنگ (хэнг) – 1) разг. тупой, глупый, бесталковый; 2) пьяный, опьяневший; خيرهدرای (хирэдарай) – 1) редко. глупый, тупой, бесталковый; 2) глупец, тупица; ديواذه (диванэ) – 1) сумасшедший, безумный; 2) сумасбродный, неразумный; 3) глупец, дурак; کارپخته (карпохтэ) – 1) опытный,

умелый; کواک (кавак) – 1) пустой, полый; 2) дуплистый; 3) безмозглый, пусоголовый, тупой; کلپوک (каллепук) – 1) безмозглый, пустоголовый; 2) дурак, болван; مبصر (мобассэр) – 1) прозорливый, проницательный; 2) проницательный человек; 3) просветитель; ذابخرد (набэхэрад) – 1) неразумный, глупый; невежественный; 2) глупец; невежда; هیچمان (һичмадан) – 1) редко. невежда, неосведомленный человек; 2) невежественный, несведущий.

При первом же взгляде на данную подгруппу нельзя не заметить, что нередко одному русскому слову соответствуют несколько таджикско-персидских, одно из которых является общеупотребительным, стилистически нейтральным, а другие относятся к «повышенному» поэтическому стилю.

В ходе сравнительно-сопоставительного анализа выявились некоторые дополнительные моменты. Так, при анализе таджикского и персидского материала появилась возможность выделить подгруппу наименований, содержащих сему «интеллектуальные свойства» с отрицательной и положительной оценкой, не имеющих эквивалента в русском языке. Итак, лексико-семантическая группа интеллектуальных свойств,

содержащих в своем значении сему «отрицательной оценки» в таджикском и персидском языках следующие:

Бемагз – مغز – بی «1. он чи ки моддаи даруни надорад; дарунхоли, пуч. 2. *мач.* беасос, хушку холи. 3. *мач.* одами камакл, нодон, бетамкин» - («1. лишенный ядра, пустой (напр., орех); 2. *пер.* безмозглый, глупый), *Бетамиз* – تمیز – بی «1. неку бадро аз хам фарк накунанда, нофахм; 2. беакл, нофахм» - («1. нерассудительный, легкомысленный; неразумный; 2. невежливый, неучтивый; 3. наглый, нахальный, циничный»), *Данд* – دند «кн. 1. Аблах, аблах, нодон; 2. дузд; бедиенат» - («1. глупый, бесталковый; 2. вор; 3. вяжущий, терпкий»), *Колус* – کالوس «ахмак, аблах, нодон, беакл» - («дурак, глупец, безмозглый»), *Латанбар* – لتنبر «1. шикампараст, бисьерхур, пурхур; 2. *мач.* хечкора, кохил; 3. нодон, чохил, ахмак» - («1. чревоугодник; обжора; 2. глупец; 3. *пер.* ленивый; лентяй, лодырь»), *Луш* – لوش «ахмак, гул, нодон, гофил, бехабар» - («1. глупец, дурак; 2. криворотый (о человеке)»), *Нохушманд* – ناهوشمند «бехирад, беакл» - («неумный; неразумный; глупый»), *Нокобил* – ناقابل «белаекат, бекобилият; беакл» - («1. неспособный; неодаренный; 2. *разг.* непослушный (о ребенке)»), *Сабуксар* – سبکسر «1. суствагз, камакл, бемулохиза, беандеша» - («1. неумный,

недалекий; 2. легкомысленный, несерьезный; 3. неустойчивы, непостоянный»), *Сафех* – سفیه «кн. нокисакл, ахмак, аблах; нодон» - («глупый, безрассудный»), *Гаданг* – غدنگ «1. чохил, нодон, аблах; 2. ландахур, дагали бесулукай» - («1. глупый, бестолковый; 2. лодырь, лоботряс»). Противоположное лексическое значение имеют следующие слова: *Акил* – عقيل «окил, доно» - («умный, разумный, рассудительный»), *Бинодил* – بينادل «кн. равшанзамир, харадманд, хушманд» - («вещий; мудрый»), *Боманиш* – بامنش «кн. хирадманд, бобасират; дорой хислатхой неки инсони» - («мудрый; умудренный, разумный, рассудительный»), *Бомагз* – بامغز «хирадманд, окил» - («1. мудрый, умный; 2. мудро, умно»), *Борикбин* – باريكبين «1. зирак, хушьер; 2. хасис, тангчашм» - («1. проницательный, прозорливый; 2. скряга, скупец»); *Бориксанч* – باريكسنج «тезбин, дакикназар, зирак, хушьер» - («зоркий, проницательный, прозорливый»), *Волохирад* – والخراد «кн. он ки аклаш расост, хирадманд» - («разумный, мудрый»), *Дурандеш* – دوراندیش «касе, ки окибати корро андешада амал мекунад, дурбин, мулозизар; борикбин» - («предусмотрительный, дальновидный; проницательный»), *Жарфандеш* –

فاندیشزر «1. дурандеш, дурбин; 2. нозукбин» -

(«прозорливый; дальновидный»), *Зулубоб* – ذولباب «окил, хирадманд, сохиби акл, сохиби фахм» - («1. разумный, благоразумный, рассудительный, умный, мудрый; 2. ученый, мудрец»), *Огохдил* – دل آگاه «бохабар, доно, дилогах, сохибдил» - («проникающий в тайники сердца, проницательный; чуткий; 2. предвидящий; вещий»), *Оинатабъ* – طبع آينه «поксиришт, софдил; с ДСП донишманд» - («благородный; чистый; великодушный с ДСП эрудированный; мудрый; 2. Ученый, знаток, мудрец»), *Охирбин* – آخرین «окибатандеш, дурандеш, дурбин» - («дальновидный, предусмотрительный, проницательный»), *Пешбин* – پیشبین «дурандеш, окибатандеш, донов а хирадманде, ки ояндаро дарк мекунад» - («прозорливый, проницательный; дальновидный; проницательный»), *Покизамагз* – مغز پاکیزه «хушманд, тезхуш, сохиби акли расо, зирак» - («понятливый, сообразительный; находчивый, догадливый»), *Пухтарой* – رای پخته «хирадманд, доно, окил» - («благоразумный, осмотнительный»), *Равшандил* – روشندل «1. покдил, он ки дилаш аз олоишу гараз ва кудурат соф аст; 2. дилогах, бомаърифат, доно, ориф» - («образованный, просвещенный»), *Равшандимог* – روشندماغ «сохиби фикри сахех ва тадбири дуруст» - («тот, кто

здраво мыслит, рассуждает»), *Равшанзамир* – روشنضمير «покдил; с ДСП равшанфикр, доно» - («с чистым сердцем; чистосердечный; искренний, доброжелательный»), *Равшанравон* – روشنروان «софдил, поктинат; с ДСП доно, хушьер» - («чистосердечный; разумный, благоразумный, рассудительный; бдительный»), *Сарамард* – مرد سره «некмард, марди нек, марди боакл, зирак, хушьер» - («мужчина с добрым именем с хорошей репутацией, умный, сметливый, смышленный, догадливый»), *Сохибидрок* – صاحبادراک «боидрок, хушфахм, зирак» - («сообразительный; догадливый; смышленный»), *Сохибхирад* – صاحبخرد «хирадманд, боакл» - («разумный, рассудительный, умный; мудрый»), *Тезхуш* – تيزهوش «тезфахм, зирак» - («сообразительный, догадливый; понятливый, умный, рассудительный») *Улилалбоб* – الالباب «сохиби аклу хуш» - («тот, кто обладает умом»), *Хурдашинос* – شناس خرده «одами бодиккат, нуктасанч, тезбин» - («1. Разбирающийся в тонкостях чего-либо; проницательный; 2. Остроумный»), *Чобукандеш* – چابکاندیش «зирак, тезфахм, хушьер, бозаковат» - («догадливый; благоразумный; понятливый»).

Сравнительно-сопоставительный анализ лексических единиц данной подгруппы позволяет

констатировать следующее: лексическая система таджикского и персидского языков многогранна. Многогранность эта обусловлена употреблением синонимических пар, а также заимствованиям из арабского языка, которое широко распространено и ярко представлено в поэзии. Синонимы придают эмоциональную окрашенность авторскому повествованию. И поэты умело ими пользуются, учитывая смысловые и экспрессивные оттенки используемых слов. В словарном составе таджикского и персидского языков наряду с исконно-персидскими словами наблюдается обилие заимствований из арабского языка. На основании этого можно проследить специфику использования поэтами лексических особенностей данных слов в поэтическом тексте: *Пас бифармудаи худо, эй зулубоб!*

Чун бипурсиди, бие, бишнав чавоб. (Руми).

Поэты всегда восхищались красотой, разнообразием лексики, благозвучностью, богатством данных языков. Они обладают неисчерпаемыми возможностями для передачи самых завуалированных мыслей. «Стихотворение состоит из слов. Кажется, нет ничего очевиднее этой истины. И тем не менее, взятая сама по себе, она способна породить известные недоразумения.

Слово в стихе - это слово из естественного языка, единица лексики, которую можно найти в словаре. И тем не менее оно оказывается не равно самому себе. И именно сходство, совпадение его со «словарным словом» данного языка делает ощутимым различие между этими – то расходящимися, то сближающимися, но отделенными и сопоставленными единицами: общезыковым словом и словом в стихе» [5,91]. В основе выразительности таджикско-персидской поэзии стоят образное мышление поэта, структура и синтаксическое разнообразие произведений. В системе языковых средств, слово играет важнейшую роль.

Важно заметить, что в таджикско-персидском языках значения многих слов, главным образом, контекстуально обусловлены. В частности, рассмотренная нами выше подгруппа интеллектуальных свойств, включает такие лексические единицы, значения которых раскрываются в контексте. Например: *Данд* – «кн. 1. аблах, аблах, нодон; 2. дузд; бедиенат» - («1. глупый, бесталковый; 2. вор; 3. вяжущий, терпкий»):**1.** *Андар ин шахр баса нокас бархостаанд,*

Хама хартабъу хама ахмаку бедонишу данд
(Лабиви).

2. *Бихонд он гахе заргари дандро*
Зи хамсоягон хам тане чандро (Абушакури Балхи).

3. *Канд чудо кун аз вай, дурр шав аз захри*
данд,
Харч и ба охир бех аст чони туро, он писанд!
(Рудаки).

Как показывает даже один этот пример, слово живет в контексте и зависит от него, оставаясь вне его или мало понятным, или иногда совершенно непонятным. Зависимость раскрытия значения слова от контекста можно рассматривать с разных позиций. В.Г Колшанский дает следующее определение контекста и его роли в выявлении содержания лексических единиц: «Контекст может быть определен как совокупность формально фиксированных условий, при которых однозначно выявляется содержание какой-либо языковой единицы (лексической, грамматической и т.д.); при этом под однозначностью следует понимать проявление в заданных условиях только одного конкретного содержания языковой формы, (например, одного значения слова, одного значения грамматической формы и т.д.)».

На основании приведенных примеров можно прийти

к выводу, что: контекст является той средой, в которой слово живет и раскрывает свое значение, и вне которой оно в большинстве случаев теряет свою семантическую значимость.

Как это ни парадоксально, но лексем, отмечающих высокие интеллектуальные данные человека в русском языке, в нашей выборке насчитывается лишь 7: *Выдумщик* – «человек изобретательный, ловкий на выдумки»; *Гений* – «человек, обладающий высшей творческой способностью»; *Самородок* – «человек с большими природными дарованиями, но без систематического образования»; *Эрудит* – «человек, обладающий эрудицией»; *Грамотей* – «грамотный человек»; *Умник* – «умный человек», «человек, который умничает, старается выказать свой ум», «тот, кто поступает хорошо, разумно (обычно о детях)»; *Умница* – «умный человек». Тогда как низкий уровень интеллекта фиксируют 25 единиц (около 78 %). При этом даже субстантивы, указывающие на неординарные умственные данные человека, могут иметь прямо противоположное значение (*Грамотей, Умник*).

5. Лексемы, характеризующие человека по его мимике, особенностям проявления тех или иных эмоций: *Неулыба* – «человек, который

редко улыбается, не улыбочив». Эквивалентом лексемы *Неулыба* в таджикском языке выступают следующие слова: *Абас* – «туршруй, бадкавок» - («угрюмый, хмурый, сердитый»), *Аббос* – «1. туршруй; 2. шерри дарранда» - («1. угрюмый, хмурый; 2. лев»), *Ахмару(й)* – «туршруй, бадкавок» - («угрюмый, хмурый, свирепый»), *Туруиру(й)* – «бадкавок, тираруй» - («угрюмый, хмурый, темный, неясный, тусклый, мрачный, пасмурный»); *Плакса* – «тот, кто много и часто плачет»; в таджикском языке: *Гиладель* – «шикваледел, шикоятодел» - («тот, кто жалуется, плачет»), *Гирьенчак* (разг.) – (от *гирья* – плач, тот, кто плачет, плакса), *Гримасник* – «тот, кто любит делать гримасы»; Эквивалентом гримасник в таджикском языке выступают сочетания : *Руй туршкунанда* – «тот, кто хмурит лицо» и *Лабу руй бурмакунанда* – «тот, кто морщить лицо»; *Хохотун* – «тот, кто много и громко смеется»; *Хандазан* – «хандакунанда» - («тот, кто смеется»); *Рева* – «тот, кто часто ревет»; *Арроси* – «от аррос – крик, рык, рычание», *Гирьенчак* – (разг.) – тот, кто много плачет»; *Мямя* – «тот, кто мямлит, вялый, нерешительный человек»; *Нобурро ганзанада* – («тот, кто неубедительно говорить, не производящий должного впечатления») и др.

В данную подгруппу персидского языка вошли следующие лексические единицы – *آخمو* (ахму) – 1) разг. угрюмый, хмурый, надутый, сердитый; 2) надутый человек, угрюмый; *تلختراج* (талхтазадж) – 1) редко. угрюмый, мрачный, раздражительный; *خفه* (хафа) – 1) удушье; 2) залушенный; 3) разг. хмурый, мрачный; *عبوس* (абус) – 1) хмурый; 2) хмурый, угрюмый человек;

Как видим, специальные наименования существуют лишь для тех особенностей, которые являются отклонением от «Нормы». При этом основная масса конститuentов данной подгруппы выражает явно отрицательную оценку (*Брюзга* – «Брюзгливый человек»; *Нолишгар* (разг.) – «от нолиш – жалоба, сетование, тот, кто жалуется»); *Зубоскал* – «человек, который любит зубоскалить, насмешник»; *Масхаракунанда* – «от масхара – насмешка, злая шутка, тот, кто зло шутить»; *Ришхандазананда* – «от ришханд – насмешка, издевка, тот, кто насмехается, издевается»); *Нытик* – «ноющий, всегда чем-н. недовольный человек»; *Ноланда* – «от нола – стон, жалоба, тот, кто все время жалуется, ноет» и др.).

6. Лексемы, которые характеризуют речевую деятельность человека, особенности той информации, которую он обычно озвучивает: *Балаболка* – «человек,

любящий заниматься пустой болтовней, пустомеля»;
Хирадарой – «сафсатагуй, бехудагуй» - («болтун, пустозвон»); *Говорун* – «человек, который любит много говорить»; *Лаклака* – «З.мач. пургуй, бехудагуй» - («болтливый, многословный»); *Обещалкин* – «человек, который легко дает обещания и забывает их выполнять»; *Даччол* – «фиребанда, фиребгар; с ДСП дуруггуй» - («обманщик»); *Пошляк* – «человек, который говорит или делает пошлости»; *Разил* – «паст, фурумоя, кабех, нокас» - («низкий, подлый, мерзкий»); *Сплетник* – «человек, который сплетничает»; *Суханчин* – «он ки сухани касеро ба дигаре гуфта дар байни онхо боиси низоъ мешавад, гаммоз, хабаркаш» - («тот, кто доносит чужие слова и становится виновником раздора»); *Трепач* – «человек, который треплется, враль»; *Лакки* – «болтун, болтливый»; *Хвастун* – «хвастливый человек»; *Лофзан* – «худситой, худро таърифкунанда» - («тот, кто хвалит себя»); *Хохмач* – «тот, кто любит смешить, шутить, насмеяться над кем-, чем-н.»; *Касханд* (разг.) – «тот, кто смеется над другими»; *Болтун* – «болтливый человек»; *Гизофгуй* – «бехудагуй, харзагуй, сергап» - («многословный, болтун»); *Крикун* «крикливый человек», а также «тот, кто много и попусту говорит»; *Гавговар* – «от гавго – крик, шум, скандал, тот,

кто шумит, скандалит» и др.

В персидском языке – آتَشزبان (атэшзабон) – 1) дослв. «огненный язык»; острослов; 2) бойкий на язык; ارهزبان (аррэзабон) – 1) дослв. «язык подобный пиле»; клеветник; 2) острослов; پرچازه (порчане) – 1) разг. чрезмерно говорливый, болтливый; 2) болтун, пустомеля; پرفس (порнафас) – 1) разг. многоречивый; надоедливо болтливый; 2) выносливый (в беге – о человеке); پفيوز (пофиуз) – 1) разг. пустой человек; хвастун; фанфарон; تلخگفتار (талхгофтар) – 1) язвительный, острый, злой на язык; خشکسر (хошксар) – 1) безмозглый; пустоголовый; легкомысленный; 2) болтливый, говорливый; неуравновешанный; 3) болтун, пустомеля; 4) легкомысленный человек; خودفروش (ходфуруш) – 1) продажный, подкупной; 2) хвастливый; кичливый, чванливый; 3) хвастун; خوشمزه (хошмазэ) – 1) вкусный, приятный на вкус; 2) разг. веселый, остроумный человек; приятный человек; درازنفس (дэразнафас) – 1) книжн. многословный, болтливый; 2) докучный, нудный; 3) болтун, пустомеля; دهانلق (даһанлаг) – 1) разг. грубый, невоздержанный на язык; 2) развязный, нахальный; бесстыжий; 3) болтливый, не умеющий хранить тайну; سياهزبان (сийаһзабон) – 1) злоязычный; - آدم ≈

злословный человек; 2) бесстыдный, циничный; *فضول* (фозул) – 1) человек, сующий нос в чужие дела; человек, проявляющий излишнее любопытство; 2) балаболка, болтун; *نادر هگفتار* (надэрэгофтар) – 10 остроумный человек, остро слов; 2) остроумный.

Следует заметить, что в ходе анализа таджикского материала данной группы были выделены лексические единицы, содержащие сему «положительной оценки»: *Азросухан* – «сохиби сухани бикр; гуяндаи сухани тару тоза ва нав; ширинкалом, хушсухан» - («тот, кто обладает красноречием»); *Некусухан* – «хушгуфтор, фасех, ширинзабон» - («тот, кто четко и ясно излагает свои мысли, сладкоречивый»); *Писандидагуй* – «некуфтор; хуштабъ» - («красноречивый, мастер слова»); *Шак(к)аргуфтор* – «ширинсухан, хушгап» - («сладкоречивый»), *Шак(к)арлаб* – «ширинлаб; хушзабон» - («сладкие уста, красноречивый»); *Шак(к)карлахча* – «киноя аз ширинзабон, хушсухан» - («перен. сладкоречивый»).

Однако, как показало исследование, большинство лексем в русском языке несут отрицательную характеристику, отмечают склонность человека говорить неправду (*Брехун* – «враль, пустобрех»; *Враль* – «лгун,

болтун»; *Лжец* – «человек, который лжет, склонен ко лжи»), говорить слишком громко (*Горлан* – «тот, кто горланит, крикун»; *Горлодер* – «тот, кто дерет горло, горлан»; *Горлохват* – «горлан, горлопан»), говорить многословно (*Водолей* – «тот, кто многословен и бессодержателен в своих речах, писаниях») или же, наоборот, несклонность говорить (*Молчун* – «тот, кто постоянно молчит»). К позитивным характеристикам можно отнести слово *Почемучка*, которое характеризует ребёнка как любознательного, и *Острослов*, которое отмечает наличие у человека чувства юмора и умение остроумно говорить.

Понимание личности как социального явления, сущность которой составляет не ее борода, не ее кровь, не абстрактная физическая природа, а ее социальное качество лежит в основе всех личностных свойств. Свойства и особенности личности раскрываются и проявляются прежде всего через систему ее отношений к явлениям внешнего мира. Интегрирующей семой для данной группы оказывается сема «отношение к кому-либо / к чему-либо». Сема, уточняющая направленность отношения к кому / чему либо, является для данной группы слов дифференцирующей, на основании которой в нашем

исследовании выделены пять основные подгруппы свойств, характеризующие человека через его отношение 1) к трудовой деятельности; 2) к предметам материального мира; 3) к еде; 4) к другим людям; 5) к себе.

Таким образом, последняя из выделенных нами групп представлена лексемами, которые характеризуют человека опосредованно, через его отношение к таким значимым объектам действительности, как:

– **работа** (работоспособность, отношение человека к выполняемой работе): *Белоручка* – «тот, кто чуждается физической или вообще трудной, грубой работы»; *Нозпарварда* – «1. изнеженная; 2. избалованная»; *Бездельник* – «тот, кто бездельничает, лентяй»; *Бекорагард* – «праздношатающийся; бездельник»; *Лентяй* – «ленивый человек»; *Танбал* – «ленивый; лентяй; лодырь»; *Лоботряс* – «бездельник, лентяй»; *Дангоса* – «разг. 1. лодырь; 2. ленивый; вялый, инертный»; *Лежебока* – «лентяй, бездельник»; *Бекорхуча* – «разг. бездельник; лентяй, лодырь»; *Работяга* – «работящий, старательный человек»; *Мехнатдуст* – «трудолюбивый; работящий, труженик»; *Ишак* – «человек, безропотно выполняющий самую тяжелую работу»; *Хар* – «1.мач. ахмак, аблах – 1.перен. дурак; 2. пер., неободр. упрямый»; *Туняедец* –

«человек, который живет на чужой счет, чужим трудом, бездельник»; *Муфтхур* – «живущий за чужой счет; паразит, тенеядец» и др.

В персидском языке – تشیددستا (атэшиндаст) – 1) умелый, искусный; ловкий, расторопный; *باپنکار* (бапоштэкр) – 1) прилежный, усердный, упорный; энергичный, трудолюбивый; *پوفی* (пофи) – 1) разг. пустой, никчемный, бесполезный; *چمند* (чаманд) – 1) ленивый (о человеке, лошади); 2) горделиво выступающий, стройный (о коне); *ریزه کار* (ризэкар) – 1) разг. хорошо знающий свое дело; 2) редко. способный, даровитый; *شاده پتچ* (шнэпич) – 1) редко. упрямый; 2) уклоняющийся от своих обязанностей; *کاهل* (каһэл) – 1) ленивый, бездеятельный; 2) вялый; медлительный; 3) слабый; немощный; 4) небрежный, невнимательный; *کرده کار* (кардэкар) – 1) бывалый, опытный, умелый; 2) деловой; 3) редко. проворный, расторопный; *کمهت* (камһэмаст) – 1) нерадивый, малостарательный; 2) инертный; 3) (о ком-л) неблагородный, низкий; недостойный; *آپاردی کهنه* (коһнэпарди) – 1) разг. опытный пройдоха; стреляный воробей; *نااستاد* (наоастад) – 1) некомпетентный; 2) неопытный, не обладающий мастерством;

– **материальные ценности:** *Жадина* – «жадный

человек»; *Нодида* – «1. Не видевший; невиданный; 2. пер. не выдавший богатства, не живший в довольстве (в достатке)»; *Жмот* – «скряга, скупой человек»; *Зихна* – «1. разг. скупой, скаредный, жадный; 2. скряга, скопидон»; *Скряга* – «очень скупой человек»; *Мумсик* – «скупой, жадный, скаредный»; *Скупердяй* – «очень скупой, скаредный человек»; *Хасис* – «1. скупой, жадный, скаредный» 2. скряга, скупец; 3. кн. низкий; низменный»; *Эконом* – «бережливый, хозяйственный человек»; *Сарфакор* – «экономный, бережливый; расчетливый»; *Бессребреник* – «бескорыстный человек»; *Бегараз* – «1. бескорыстный; 2. беспристрастный; объективный; справедливый»; *Транжир, транжира* «(разг.) человек, который транжирит, мот»; *Исрофкор* – «расточительный; небережливый; мот»; *Мот* «расточительный человек, тот, кто мотает свои деньги, имущество»; *Бадхарч* – «расточительный; неэкономный» и др. В персидском – *آزمند* (азманд) – 1) жадный, алчный; *باگزشت* (багозашт) – 1) великодушный, щедрый; 2) уступчивый, покладистый; *بخيل* (бахил) – 1) скупой, жадный; 2) скупец, скряга; *بزال* (баззал) – 1) очень щедрый; великодушный; *دريخ بی* (бидариг) – 1) щедрый, бескорыстный; 2) редко. жестокий, безжалостный; *پرطمع* (портама) – 1) очень жадный;

алчный; корыстолюбивый; *تنگچشم* (тангчашм) – 1) дослов. «узкоглазый», скупой, алчный, жадный; *چشمودلسير* (чешмодэлсир) – 1) разг. нежадный, некорыстолюбивый; *خسيس* (хасис) – 1) скупой, жадный; мелочный; 2) скупец, скряга; *دندان گرد* (дандангерд) – 1) разг. скупой; жадный; 2) скряга, скупердяй; *زرپرست* (зарпараст) – 1) корыстолюбивый, жадный до денег, сребролюбивый; 2) скупой, жадный; *كسه سياه* (сийаһкасэ) – 1) разг. жадный, скупой; алчный; 2) скряга; *گداصفت* (гедасэфат) – 1) низкий, презренный, мелочный) ком-л.); 3) скупой, жадный;

– еда, напитки: *Водохлеб* – «человек, который пьет много воды, чая»; *Чойнуш* – «1. пьющий чай; 2. любитель чая, чаевник»; *Забулдыга* – «спившийся, беспутный человек»; *Бадмаст* – «1. пьяница; 2. сильно захмелевший; вдребезги пьяный; 3. бешеный (о животных); *Обжора* – «ненасытный, прожорливый человек»; *Пурхур* – «1. прожорливый, ненасытный; 2. обжора; чревоугодник», *Носерам* – «1. прожорливый; 2. обжора», *Чаимгурусна* – «с голодными глазами; 2. пер. жадный, ненасытный, скупой» (противоположное лексическое значение имеет лексема *Чаимсер* – «1. нежадный; некорыстолюбивый; 2. видевший достаток»), *Юхо* – «1. мифическое чудовище; 2. разг. обжора»; *Пьяница* – «тот, кто пьянствует,

алкоголик»; *Аракхур* – «1. пьющий водку; 2. пьяница», *Майзада* – «пьяница, алкоголик», *Майпараст* – «1. пьяница; алкоголик; 2. уст. почитатель вина»; *Чревоугодник* – «человек, отличающийся чревоугодием, обжора»; *Шикампараст* – «чревоугодник, обжора» и др. В персидском – *خرمست* (хармаст) – 1. разг. пьяный вдрызг, пьяный в стельку.

– **окружающие люди:** *Диктатор* – «тот, кто ведет себя по отношению к другим властно и нетерпимо»; *Зулмпеша* – «золим, ситамгар» - («1. угнетатель, поработитель, тиран, деспот; 2. пер. инквизитор»; *Нелюдим* – «нелюдимый человек»; *Хилватнишин* – «1. тот, кто ведет замкнутый образ жизни, любящий уединение; 2. отшельник, пустынный»; *Гушанишин* – «1. тот, кто уединяется; 2. затворник; отшельник. 3. уст. пер. сидящий в засаде; ждущий удобного момента»; *Самодур* – «человек, который действует по прихоти и по личному произволу, унижая достоинство других»; *Худсар* – «1. своенравный, непослушный; своевольный, самовольный, самоуправный, самочинный; 2. самодур»; *Джентльмен* – «человек подчеркнутой вежливости, корректности»; *Чавонмард* – «1. благородный; великодушный; 2. смелый, храбрый, отважный, доблестный, мужественный»;

Донжуан – «человек, который падок на любовные похождения, искатель любовных приключений (по имени литературного героя)»; *Издеватель* – «тот, кому доставляет удовольствие издеваться над кем-н.»; *Женолюб* – «тот, кто любит ухаживать за женщинами»; *Занбоз* – «ухажер; бабник»; *Шкурник* – «тот, кто заботится только о себе, не думая о других»; *Манфиатпараст* – «корыстный, корыстолюбивый; с ДСП меркантилист» и др. В персидском – *ظالمه* (заламэ) – 1) жестокий человек; угнетатель, притеснитель; *ظالميشه* (золмпеше) – 1) деспотический; жестокий; несправедливый (о ком-л.); 2) тиран, деспот, угнетатель, притеснитель; *زبونکش* (збункош) – 1) угнетатель, притеснитель, деспот; 2) подлый, низкий.

– **по отношению к самому себе:** *Зазнайка* – «человек, который зазнается»; *Хавобаланд* – «надменный, высокомерный, спесивый; заносчивый», *Себялюбец* – «себялюбивый человек»; *Худдуст* – «1. эгоист, себялюбец»; *Сноб* – «человек, считающий себя носителем высшей интеллектуальности и изысканных вкусов»; *Нозпарвард* – «1. изнеженный; выхолненный, холеный»); *Эгоист* «человек, отличающийся эгоизмом, себялюбец»; *Худпараст* – «касе, ки худро бисьер дуст бедорад, худхох,

худбин ва мутакаббир» - («1. эгоист, себялюбец»); *Худсар* – «касе, ки ба фикри дигари эйтибор надода рафтор мекунад, мустабид» *Эгоцентрист* – «человек, отличающийся эгоцентризмом»; *Одами ниhoяx худпараст*. В персидском – آرابمانش (арбабманэш) – 1) высокомерный; ведущий себя высокомерно, по-барски; بادسر (бадсар) – 1) надменный, высокомерный; заносчивый; 2) редко (о ком-л) пустой, легкомысленный, несерьезный; несолидный; پرید (порбад) – 1) наполненный воздухом; туго надутый; 2) напыщенный, надутый, надменный; خودپرست (ходпараст) – 1) себялюбец; 2) эгоист; 3) себялюбивый, эгоистичный; своекорыстный; خودرای (ходраи) – 1) своенравный, своевольный; самовластный; самонадеянный; 2) своенравный человек; самодур; خودکام (ходкам) – 1) действующий в своих личных интересах; эгоистичный, себялюбивый; مغرور (маггур) – 1) гордый, надменный, высокомерный; спесивый, сванливый; 2) редко обманутый, введенный в заблуждение.

Проделанный анализ субстантивов, характеризующих внутренний мир человека, позволяет сделать следующие выводы:

В языке закрепились единицы, характеризующие человека по его отношению к таким значимым реалиям,

как работа, материальные ценности, еда, а также по его отношению к самому себе и окружающим. Причем большинство из указанных лексем выражают крайнюю степень увлечения чем-либо, пристрастия к чему-либо, и тем самым характеризуют человека с отрицательной стороны.

В сравниваемых языках наименования людей по внутреннему признаку представлены довольно большой группой слов, языковую характеристику внутреннего человека можно с уверенностью назвать разносторонней. Особенности исследуемых наименований заключаются прежде всего в том, что в семантической структуре соответствующих лексических единиц чаще всего присутствует указание не на один, а сразу на несколько признаков. Кроме того, основная масса единиц в выборке не просто констатирует наличие / отсутствие у человека определенного свойства, но и выражает его оценку: негативную в 80 % случаев и положительную – в 20 %. Связано это, по нашему мнению, в первую очередь с существованием некоторых общепризнанных «Стандартов», отклонение от которых неизменно находит выражение в языке. Обращение в перспективе к разнообразному по стилистической и частеречной

принадлежности речевому материалу позволит дополнить образ внутреннего человека.

Субстантивы «внутреннего мира» образуют довольно единую, но не замкнутую систему (лексико-семантические группы). Единство этой системы обусловлено, главным образом, двумя факторами: во-первых, соотносительностью с более или менее однородной областью человеческого «мира» (внутреннего), во-вторых, структурными оппозициями и тождествами языковых единиц (слов) по тем или иным их семантическим признакам. Особенно важным является второй фактор, ибо именно он определяет характер языковой структуры лексико-семантических групп.

Однако, наряду с общими, нами были выявлены специфические черты сравниваемых языков.

Как показали результаты исследования, более значительные расхождения проявляются при сравнении инвентаря сем, на которые разлагаются лексико-семантические группы в каждом из рассматриваемых языков, и семных структур в каждом языке. Например, сема «обидчивый, чрезмерно щепетильный (человек)» свойственна только для русского языка, где имеется слово *Недотрога*, которое характеризуется именно этим

дифференциальным признаком, также как сема «вялый (о человеке)» характеризующая только русское слово *Размазня*; семы «тонкая натура» и «с мягким сердцем» существуют только в таджикском языке, который располагает словами *Нозуктинат* – «тонкая натура» и *Нозукдил* – «с мягким сердцем»; сема «низкий (о человеке)» специфична для персидского языка и фигурирует в семных структурах слов *دوذهمت* (дунhэммат) и *داغا* (дагал).

В большинстве случаев семантическое пространство членится в разных языках примерно одинаково; специфические особенности каждого языка проявляются в способе членения, в материале, т.е. в лексической субстанции, в количестве используемых лексических элементов для обозначения полученных отрезков и в их организации на различных участках. Там, где эта организация отражает объективную организацию действительности, специфики меньше, она появляется там и тогда, где и когда объективных критериев нет. В этих случаях вступает в свои права специфическое видение картины мира, которое в силу различных традиций у разных народов различно.

Рассмотренный выше материал полностью

подтверждает данное положение вещей. Таджикский язык, как язык иранской ветви, имеет много общих черт с персидским, унаследованных из одного и того же источника – языка фарси.

Различие между анализируемыми группами трех языков носит также количественный характер (различие объема лексиконов связано, конечно, с существенным функциональным несовпадением русского и таджикско-персидских языков): в таджикском и персидском языках лексико-семантические варианты слов, характеризующих человека и имеющих параллельные (словосложение) формы, представлены шире – 300 соотносимых типовых единиц при 106 в русском. Объясняется это, очевидно, меньшими нормативными ограничениями при образовании форм словосложения, а отсюда и большими словообразовательными возможностями таджикского и персидского языков.

Своеобразием таджикского и персидского материала является также сравнительно широкое распространение синонимических отношений в подгруппах, в частности, абсолютной синонимии, которая практически отсутствует в русском материале: *дилафсурда – дилмурда*.

Наиболее яркой особенностью рассмотренных лексико-семантических групп в таджикском и персидском языках по сравнению с русским является следующее: а) широкое использование «поэтических синонимов»; б) арабские заимствования; в) словосложение; г) детерминативы; д) энантиосемия е) семантическая гипертрофия слова.

Понятие «поэтические синонимы» весьма емко; к нему, главным образом, относят лексику с оттенком приподнятости, торжественности. Известно, что таджикско-персидская поэзия обладает речевыми средствами, отличными от прозы. По мнению иранистов, поэзия выражает чувства и эмоции, связанные с явлениями, выходящими за пределы обыденного.

Из всех языков Ближнего и Среднего Востока, подвергшихся арабскому влиянию, персидский язык по количеству арабских лексических заимствований стоит на первом месте. Не случайно некоторые иранские ученые считают, что персидский язык обладает двумя словарными составами – персидским и арабским []. Причина этому не только арабское нашествие и господство арабского халифата, не только исламская религия и экономические,

политические и культурные связи персов и арабов, но и длительная языковая мода, многовековая ориентация на арабский язык, сильные арабоязычные тенденции вплоть до начала XX в.

Словосложение – древнейший и постоянно действующий способ образования слов в персидском языке. Принимая во внимание данные словообразовательного анализа и различные пути формирования сложных слов, мы характеризуем словосложение как синхронный способ типизованного, серийного и избирательного сложения основ согласно действующим моделям, сохранившимся от прежних эпох или вновь возникшим [Пейсиков]. В результате словосложения образуется сложное слово, состоящее из двух (трех) основ или словооснов, причем вновь образованный композит обладает своей специфической смысловой и просодической структурой: تنگچشم (тангчашм).

Среди многочисленных моделей именного словосложения необходимо прежде всего отметить такие, которые относятся к категории постоянно действующих и продуктивных – копулятивная и детерминативная, каждая из которых имеет множество структурных подразделений.

В своем исследовании мы сталкивались главным образом *Детерминативами*. Детерминативные модели представляют собой различные соединения основ имен существительных, из которых одна основа служит детерминатором соединения основ существительных и прилагательных, своеобразно повторяющих структуру атрибутивного словосочетания, объединения числительных с существительными, местоимений с существительными и причастиями, многочисленные соединения со вторым глагольным компонентом – основ настоящего времени или основ прошедшего времени и т.д. Например: چشمودلسير (чешмодэлсир); Нозукдил – «нежный сердце»; Гушанишин – «гуша – угол, нишин – сидячий – тот, то сидит в углу – отшельник».

Следующее явление, способствующее обогащению словарного состава языка – энантиосемия (поляризация значения, синхронное совмещение антонимических значений. В нашем исследовании данное явление встречалось главным образом в персидском языке: بيگله (бикалле) – 1. разг. безмозлый, тупоумный; 2. смелый, храбрый. پاسبک (пасабок) – 1. разг. человек, приносящий счастье; 2. легкомысленный, пустой человек.

И, наконец, семантическая гипертрофия слова – расширение семантического объема слова. Явление довольно частое как в таджикском, так и в персидском языках: *بطل* (баттал) – 1. книж. праздный, бездельничающий; 2. болтливый; 3. лживый; лгущий; 4. храбрый, отважный. *Майпараст* – 1. пьяница; алкоголик; 2. уст. почитатель вина.

Сопоставление результатов анализа лексико-семантических вариантов слов, характеризующих человека, в разноструктурных языках показало: а) обоснованность выделения субстантивов, характеризующих внутренний мир человека; б) устойчивость семного состава анализируемых ЛСВ слов-характеристик; в) постоянство характера внутрисистемных отношений анализируемых лексико-семантических вариантов.

Таким образом, сопоставление различных языков уже само по себе выявляет очень много такого, чего не заметить не только при рассмотрении изолированных фактов внутри одного языка, но даже при системном их рассмотрении, не выходящем, однако, за пределы системы данного языка.

Можно полагать – приведенные в настоящей работе факты подтверждают это – что сопоставительное изучение системно организованных участков лексики разных языков будет, несомненно, способствовать выявлению новых сходств и различий между языками, главным образом, родственными, которые можно объяснить генетически и исторически и которые дадут возможность адекватнее отразить специфику каждого из языков в различного рода словарях (однойязычных и переводных).

Г Л А В А 2

Анализ лексико-семантических групп, входящих в лексико-тематическую группу «Внешний облик человека»

2.2. Цветовые сравнения как средство описания облика человека и его оценка

С помощью языка мы отражаем мир. Именно отражаем, а не описываем или, точнее, не только описываем, поскольку описание – это лишь одна из форм языкового отражения мира.

Языковое представление мира можно рассматривать как языковое мышление, поскольку, во-первых, представление мира – это его осмысление, или интерпретация, а не простое «фотографирование», и, во-вторых, рассматриваемое, представление, или отражение, носит языковой характер, т.е. оно осуществляется в форме языка и существует в форме языка.

Соотношение между некоторым участком мира и его языковым представлением можно определить как языковую ментальность.

Под миром в определении языковой ментальности мы понимаем не только окружающую человека мир, но и

мир, создаваемый человеком и нередко в большей части своего объема прекращающий свое существование, когда исчезает его создатель и носитель – человек, т.е. мир речевых действий человека и его состояний.

Языковая ментальность тесно связана с языковым мышлением. Более того, как следует из определения, языковая ментальность – это аспект языкового мышления. При этом языковая ментальность – это важнейший аспект языкового мышления. Согласно С.Г. Тер-Минасовой, язык отражает действительность не прямо, а через два зигзага: от реального мира к мышлению и от мышления к языку. Именно поэтому, проводя исследование в рамках лингвокультурологии, нельзя не коснуться вопросов триады «язык – культура – менталитет», так как лингвокультурология исследует прежде всего, живые коммуникативные процессы и связь используемых в них языковых выражений с синхронно действующим менталитетом народа [Телия, 1996:288].

Языковую ментальность можно изучать изолированно, т.е. анализируя некоторую отдельно взятую языковую ментальность, или сопоставительно, т.е. путем сравнения языковых ментальностей.

Сравнительный анализ языковых ментальностей позволит выявить универсальные и индивидуальные свойства языковых ментальностей, которые естественно, не могут быть обнаружены путем изолированного рассмотрения.

В этом же русле проведено наше исследование в данном параграфе, в котором мы попытались выяснить, с помощью каких лексических средств носители русского, таджикского и персидского языков описывают человеческое тело, сравнить эти способы описания и понять, какие культурологические факторы являются причиной сходств и различий.

Нами были проанализированы следующие источники: художественные произведения, принадлежащие перу персоязычных и русскоязычных авторов; национальный корпус русского языка; толковый словарь таджикского и персидского языков. Из указанных источников выписаны определения, используемые при описании таких частей тела как *лицо, глаза, губы, рот, нос*.

В языке отражается то, как человек познает мир, себя самого как часть мира, и другого человека, его внутренний мир, характер, намерения, отношение к другим людям, поскольку человек является субъектом и объектом

познания в одно и то же время [Апресян, 2004:98]. Представление об образе человека формируется в современной лингвистике «по данным языка», поскольку «путь к осмыслению феномена человека проходит не через естественные науки, а через естественные языки. Природе подченен физический человек, но она ничего не знает о духовной сути личности» [Арутюнова, 1999:324].

Интерес к человеку, его внешности и внутреннему миру в их взаимосвязи и взаимообусловности возник у человечества еще на самых ранних этапах развития. Внешность человека является сложным концептуальным представлением, которое формируется с помощью внешне проявляющихся и зрительно воспринимаемых физических признаков. Этим признакам обыденное сознание приписывает определенное содержание, что является результатом исторически сложившегося эмпирического опыта. Внешность человека дает возможность извлечь информацию о внутреннем мире. По внешности пытаются определить личностные свойства человека. Первоначальным объектом оценивания в человеке служат черты лица, его выражение, глаза, взгляд.

В ходе анализа текстов в сопоставляемых языках, нами было замечено, что при описании внешности

человека, используются главным образом цветовые сравнения. Подобные сравнения используются, с одной стороны, для описания объективно воспринимаемого цвета *лица* человека, а с другой стороны, для интерпретации (оценки) цвета *лица* как сигнала благоприятного / неблагоприятного физического или психологического состояния человека. Референция к концепту объекта, с которым сравнивается лицо человека, способствует не только уточнению его цветового признака, но и передает дополнительную информацию различного рода. Например, помимо собственно цвета эти сравнения могут актуализировать другие объективные признаки лица: форму, размер, текстуру кожи и др. Это происходит под влиянием знаний типичных признаках объекта, репрезентирующего цвет в сравнении, которые в виде соответствующих характеристик концепта данного объекта проецируются в сознании на содержание концепта 'лицо' и актуализируют в нем аналогичные элементы. Таким образом, аналогия, установленная между лицом и объектом, с которым оно сравнивается, выходит за пределы цвета и охватывает другие объективные нецветовые признаки. Рассмотрим следующие примеры на материале русского языка: *Чистый купец!* – *радовалась*

Надежда, сама толстая и красная от кухонного жара, как медный самовар (Л.Н.Андреев). Сравнительная конструкция с основанием красный выражает отмеченное автором сходство лиц персонажей с самоваром по цветовому признаку. Под воздействием знаний о типичных признаках самовара (круглая форма, высокая температура, блеск) в содержании лексемы *лицо* происходит активация аналогичных им вероятных характеристик (*полнота, разгоряченность, лоск*). Эти выводимые из сравнения дополнительные признаки лица отражены в словарных толкованиях сравнения *красный как медный самовар*: «о раскрасневшемся (от жара, сильных эмоций и т.п.) человеке (обычно толстом и круглолицем)» [Мокиенко, 2003:376].

В следующем примере сравнительная конструкция выражает установленное наблюдателем сходство женского лица с жемчужиной не только по цветовому признаку. Следует заметить, что подобное сравнение характерно главным образом для таджикско-персидской поэзии: *Биемад аз он чойгох шодком, Рух аз хуррами гаим екутфом* (А. Фирдавси, Шохнома), или *Баски аз мастист бар рухсори чун лаълаш арак, Хамчу марчоне, ки бинмояд рухаиш гулгун дар об.* (Туграл, Газал). Здесь уместно

заметить, что женская красота в таджикско-персидской поэзии сравнивается с такими драгоценными камнями как: *екут – рубин; марчон – жемчуг*. Например, сравнение с *екут – рубином*

الاواتى بى جنة النفس من الحور بالياقوت لكون الياقوت
شبهت

صفانه رونقه و بهانه ذا لون احمر مناسب لون النفس
مع حسنه و

«... Гурии, находящиеся в раю души, сравниваются с рубином, так как он, кроме его красоты, его чистоты, его блеска и его прелести, красного цвета, соответствует цвету души» [Бертельс, 1965: 89]. Для сравнения с *марчон – жемчугом* мы находим следующее пояснение: «А [находящиеся] в раю сердца [гурии] сравниваются с жемчугом за их крайнюю белизну и светлость:

شبهت الاواتى فى جنة القلب بالمرجان لفلية بياضه وذوريته
» [Бертельс, 1965: 89].

При описании цвета лица и кожи на Востоке особенно ценится белизна, но не бледность. Однако в русском языке бледность может быть интересной и благородной: *И вот она осьмнадцати лет, но уже с постоянно задумчивым взором, с интересной*

бледностью, с воздушной талией, с маленькой ножкой, явилась в салонах напоказ свету (И.А. Гончаров). С другой стороны, в русском языке признаком красоты часто выступает румяный цвет лица, который ассоциируется со здоровьем (румяный (-ая) как (наливное) яблоко (яблочко), как персик, как ягодка (ягода): *Малаша, девушка лет шестнадцати, стройненькая, смазливенькая, белокуренькая резвушка, с личиком полным, белым и румяным, как свежий персик* (О.М. Сомов). В приведенных сравнениях прослеживается гастрономическая метафора женщина – лакомый кусочек [Телия, 1996:264], характерная для русского языка в описаниях женщин и девушек. Особую красоту в сознании русского человека представляет сочетание белизны кожи и легкого румянца (как кровь с молоком): *Она была очень хороша собою. Высокий, статный рост и роскошно развитые формы, при белос, как кровь с молоком, цвете лица* (В.В. Крестовский). Еще один пример гастрономической метафоры представляет сравнение, отмечающее особую белизну кожи: *бела как сметана: Верочка оказалась вся рыхловато-белая, будто сметана с сахаром* (О.Славникова). В этом же значении для русского языка характерно сравнение с молоком и мрамором:

Красавица, белая, как молоко, а волосы – лен (А.М. Горький). В персидской поэзии в этом значении красота женского лица сравнивается с вином в значении «легкого румянца»: *Хама чомахо карда пирузаранг, Ду чашм абри хунин, ду рух бодаранг* (А. Фирдавси, Шохнома). В русском языке в сравнениях с мрамором часто присутствует коннотация холодности и недоступности, а также указание на сходство с мраморной скульптурой, заключающей в себе идеал красоты: *Ее лик Мадонны белел в сумерках, как мрамор; таинственным безмолвием мрамора, его совершенной красоты* (Л.Н. Андреев).

Для описания свежего, здорового цвета лица с легким румянцем используются сравнения с цветами: по-русски скажут: цветет или свежа как [майская] роза, лилия, весенний / полевой цветок, фиалка, ландыш и т.п. Флористические сравнения в таджикском языке встречаются чаще, чем в русском, и обладают более развитой системой образов: *Нигоре буд андар шабистони уи, Зи гулбарг рух дошт в-аз мушк муи* (А. Фирдавси, Шохнома); *Щеки, лицо и локоны того пленительного кумира, Первое – роза, второе – лилия, третье – амбра* [Ватват, 1985: 146]. Следующий пример – два бейта, принадлежащих Али Асади: *От ран, [нанесенных]*

кончиками двух твоих благоуханных завитков, изнемогают дикие розы твоих щек. Оттого, что всяк указывает на тебя пальцем на улице, боюсь я, на твоём лице останутся следы [Ватват, 1985: 140]. В таджикско-персидском языковом сознании стойко закрепились когнитивная метафора *женщина – хрупкий нежный цветок*. По-видимому, именно этой метафорой и широкой системой разнообразных флористических образов в таджикском языке объясняется возможность характеристики красоты губ сравнениями с цветами: *лаби гулгун, гулфом* и др. В русском языке при описании губ такие сравнения встречаются крайне редко из-за неоднозначности ассоциаций, однако нередко используются следующие гастрономические сравнения: *губы как малина*; а также метафорические обороты: *коралловые губки, губки бантиком, сердечком*, содержащие в своих значениях указание на некоторую искусственность, нарочито деланный вид красоты, а также кокетливость их обладательницы: *Чарская кокетливо сложила губы бантиком* (Е. Парнов).

В таджикско-персидской поэзии нами обнаружена интересная деталь красивого образа – блеск поверхности предмета. Это связано, по-видимому, с тем, что в

таджикско-персидском языковом сознании признаком красоты объекта является гладкость его поверхности (сравнение с небесными светилами):

سیاه روی ماهش * میان چین زلفین مسما

منم خال

Я – черная родинка на лице ее луны

посреди завитков двух локонов «наименованного»

(Бобо Кухи, Девон); *Сиях шаъре аз сунбули мушкфом, Фуру хишта аз тарафи мохи тамом* (Хочу, Девон); *Мохи духафта шавад аз канори шаб пайдо, Шабаш зи гушаи мохи духафта шуд пайдо* (Бадри Чочи, Газал). Данное качество не является обязательным признаком красоты в русском языке. Русский язык преимущественно отмечает глубину и разнообразие оттенков цвета, не делая акцент на блеске поверхности: белые (светлые) как лен, как снег, пшеничные волосы; об иссиня-черных волосах скажут: *волосы (черные) как смоль, уголь, как вороново крыло, как агат, как антрацит, чернее ночи.*

Следующая особенность, которая была выявлена нами в описании женской красоты в таджикском и персидском языках – сравнение женщины с божеством (пери): *париандом, париваш, паривор – подобная пери.*

Тархи мавзуние намоям ом, Ки шавад санг хам париандом (А.Бедил, Девон); *Зи сузи дил дами гарме, ки манн дорам, чаро к раб, Ба хубони париваиш дар намегирад фусуни манн?* [Мушфики, Газал]. Слово *пари* – *пери* доставляло много трудностей составителям словарей персидского языка. И.А. Вуллерс в своем сравнительно-этимологическом словаре дает такую весьма странную и противоречивую статью: «ангел, добрый дух, противоположность *див*» [Бертельс, 1965:123]. Б.В.Миллер слово *пари* переводит кратко «...*фея, пери*; перен. *красавица*» и затем приводит такие противоположные по смыслу сложные слова с составной частью *пари*: «...*париру* – *периподобная ... красавица*», «...*пари-хан-вызывающий злых духов*» [Миллер, 1960:93]. Ю.А. Рубинчик переводит слово *пари*: «1) *фея; гурия, пери...* 2) *красивая, изящная девушка...*» и дает еще такое сложное слово «...*париафсой*» уст. *заклинатель злых духов; ведьма*» [Рубинчик, 1970:294].

Как мы увидим далее, толкование Б.Саркарати представляется более вероятным. Б. Саркарати старается найти историческое объяснение противоречиям в семантической структуре слова *пари*. Он полагает, что в религии древних иранцев до появления зороастризма,

было женское божество исполнения желаний, разрешения трудностей, одновременно – несения плода, рождение ребенка. Божество *Paṅka*, которое после проповеди Заратуштры, с изменением в новой религии этических норм, запретом ритуальных оргий, было изгнано из пантеона, объявлено ахриманическим существом, приравнено к девам. Несмотря на все усилия зороастрийского духовенства очернить *пери*, полагает Б. Саркарати, после падения этой религии со словом *пари* в народном сознании оказался связан лишь древний комплекс представлений «красота, привлекательность, исполнение желаний, принесение блага, разрешение трудностей, добро, отраженный в образе *пари* – *пери* персоязычной литературы. Все усилия мубедов сделать древнюю богиню олицетворением зла оказались тщетными [Саркарати, 1972:177].

Помимо выражения дополнительных объективно воспринимаемых признаков облика человека цветковые сравнения передают субъективную оценку его внешности (положительную или отрицательную). Оценка внешности человека, как правило, актуализируется под влиянием определенного оценочного отношения к объекту, репрезентирующему цветовой признак. Следующие

контексты иллюстрируют актуализацию отрицательной оценки облика персонажей под влиянием репрезентантов цвета, называющих негативно осмысляемые объекты и явления: *Сайидо, бо дардмандони диери маърифат Ашки сурху чехраи кохист роховарди мо* (Сайидо, Газал); *Эй хамнафасон, маро зи май кут кунед, В-ин чехраи кахрабо чу екут кунед* (Хайем, Рубои).

Отрицательная оценка может актуализироваться в сравнении с объектом, не представляющим ни эстетической, ни утилитарной ценности, например в русском языке: *В феврале кончилась полярная ночь. ... Лица прохожих выглядели белыми, как картофельные ростки* (О.Куваев). Сравнение с таким объектом подчеркивает непривлекательность незагорелых лиц.

Оценочное отношение к объекту – репрезентанту цвета может быть также выражено эксплицитно в опорном компоненте сравнительной конструкции: *У Ольги лицо ровное и белое, как игральная карта высшего сорта из новой колоды* (А. Марингоф). Оценочные характеристики высокое качество и нетронутость объекта, репрезентирующего цвет, актуализируют положительную оценку белизны женской кожи.

Таким образом, выражению сравнениями дополнительных смыслов способствует более сложная, чем кажется на первый взгляд, роль репрезентанта признака. Называя некоторый объект или явление, он способен активизировать в нашем сознании целостное стоящее за этим названием представление – концепт с определенным набором концептуальных характеристик, а не только той, что выражена в основании. Выраженная в основании характеристика, по которой устанавливается сходство объекта сравнения и объекта-репрезентанта признака, является основой связи соответствующих концептов. Однако взаимодействие сравниваемых концептов может этим не ограничиваться и задействовать другие элементы содержания концептов, которые рассматриваются как сходные для данной ситуации сравнения. Такие элементы из содержания концепта репрезентанта проецируются на содержание концепта объекта сравнения, придавая содержанию последнего определенную кинфигурацию.

Следующий концепт нашего исследования «глаза – чашм». Выражение глаз является ключом к истинным мыслям человека. На протяжении веков люди придавали огромное значение глазам и их воздействию на поведение

человека. Попытки определить связь между внешностью и характером человека предпринимал еще Аристотель, подчеркивая: «Если бы глаз был живым существом, душою его было бы зрение. Ведь зрение и есть сущность глаза» [Аристотель, 2007:351]. Понятие «глаз» занимает важное место в языковой картине мира. Поскольку 80% информации о мире человека приходит через глаза, они считаются важнейшим из органов, им приписывается таинственная магическая сила.

Глаза могут очень многое рассказать о человеке и стать самым надежным сигналом в процессе общения, так как они, образно говоря, являются центром человеческого тела.

Интерес ученых разных профессиональных школ и направлений (психологов, биологов, этологов и специалистов в области культурной антропологии) к науке о языке глаз и визуальном поведении людей огромен [Крейдлин, 2002:374]. Визуальное поведение представляет интерес и с лингвистической точки зрения.

Согласно когнитивному направлению в лингвистике, «человек должен изучаться как система переработки информации, а поведение человека должно описываться и объясняться в терминах внутренних

состояний человека» [Кубрякова, 2004:20]. Существуют исследования, посвященные изучению некоторых аспектов внутреннего мира человека [Апресян, 1995; Арутюнова, 1988; Вежбицкая, 1997; Рахилина, 1988; Пименова, 1999; Lakoff, 1973; Langacker, 1987; Wierzbicka, 1996]. Наивная антропология в русской и таджикской языковой картине мира, как было отмечено, предполагает следующее строение человеческого существа: выделение человека «внешнего» и человека «внутреннего», наделение последнего индивидуальными органами восприятия и соответствующими функциями. Концептосоставляющими признаками «внешнего человека» признаются физические и физиологические свойства, привычки, поведение, межличностные отношения, а концептосоставляющими признаками «внутреннего человека» являются психологические свойства и эмоциональные состояния [Геляева, 2007:54]. Внутренний мир человека моделируется по аналогии с внешним, физическим миром, он (внутренний мир) познается через отражение чувственно-воспринимаемых сущностей, каковыми являются внешние признаки ментального мира: звучание голоса, мимика, психологически релевантные движения тела. Многообразие внешних проявлений эмоциональных

состояний формирует семиотический образ человека. Человек, будучи как физической сущностью, так и ментальной, может быть интерпретирован как «извне», так и «изнутри» [Арутюнова, 1999:122; Семенова, 2007].

Одним из важных компонентов характеристики человека в сопоставляемых языках является семантическая сфера языка, репрезентируемая лексемой *глаза – чаши*. Данная лексема номинирует в сочетании с прилагательными как объективные признаки (цвет и размер глаз, черты лица, особенности жестикуляции и т.д), так и метонимически репрезентирует эмоциональные состояния лица, личностные свойства. Глаза, части глаз и выражения глаз берут на себя особую роль в невербальном выражении человеческих эмоций и в передаче самой разнообразной информации. В процессе коммуникации по глазам можно прочесть о психологическом состоянии человека, его чувствах, желаниях и намерениях.

Система описания того, какими взглядами выражаются те или иные эмоции, как передается информация в коммуникативном акте, определяется как визуальное поведение. Глазное поведение человека в ситуации общения является чрезвычайно информативным и значимым [Крейдлин, 2002:374].

В русской языковой картине мира, как показывает в своем исследовании Е.В. Урысон, лексема *глаза* обозначает парный орган зрения, находящийся на лице человека (или на передней части головы животного). Во многих случаях в фокусе внимания говорящего находится внешний вид этого органа – цвет, форма, строение и расположение [Урысон, 2003:89]. В таджикско-персидской языковой картине мира концептуализация *глаза* как анатомического органа находит подтверждение в таких языковых выражениях, как: *Ва ин Абдулло марди сурх буд ва чаимхои у низ сурх шуда буд* (Таърихи Наршахи). В других случаях в фокусе внимания говорящего находится функция *глаза* – *видеть*. Концептуализацию *глаза* как «способность» подтверждают следующие примеры: *Мартышка к старости слаба глазами стала* (Крылов, Мартышка и очки). В таджикском языке: *Ба хар тараф, ки чаим куни, - чилваи зафар, В-аз хар чихат, ки гуш ниhi, - муждаи амон* (Зохири Фаръеби).

Глаза выступают важнейшим выразительным элементом лица, динамика и направление взгляда, цвет и форма глаз свидетельствуют о внутреннем мире их обладателя. Таким образом, именно глаз – это тот инструмент, посредством которого реализуется

проявление внутреннего во внешнем, способность не только видеть, но и осмыслять, концептуализировать внутреннее состояние человека. Для метонимической характеристики внутренних состояний субъекта используются прилагательные в сочетании с лексемой глаза, номинирующие моральные, личностные качества, внутренний мир человека. С этой точки зрения можно выделить следующие категории прилагательных: прилагательные, метонимически описывающие физическое состояние человека, ср.: *И она посмотрела на него длинным, измученным, усталым взглядом* (Ф.М. Достоевский, Бесы). Здесь уместно заметить, что в русском языке при выражении состояния субъекта, его чувства и желания, вместо лексики *глаза* употребляются его синонимы *взгляд* и *взор*. При этом данные синонимы выражают также чувство и состояние, определяющее душевный склад человека: *Он взглянул опять и опять встретил грустный, задумчивый взор* (К.С. Аксаков, Облако). При этом *взгляд* может выражать любое желание и чувство, а *взор* – обычно лишь те чувства и состояния, которые делают субъекта привлекательным. В связи с этим синоним *взор* в большей степени предполагает красоту души субъекта. Подобное явление не встречается в

таджикском языке, физическое состояние субъекта передается прилагательным в сочетании с нейтральной лексемой *чаим*: *Зи чаими масти ту дилам хароб аст, Ба банди зулфи ту дилхо гирифтот* (Фаролови, Газал).

Результаты исследования показали, что в обоих языках также наблюдается большое количество сравнительных оборотов, передающих цветовые оттенки глаз, их живой блеск или потускневший взгляд, особенности движения ресниц. В русском языковом сознании наиболее красивыми считаются голубые глаза. Голубой цвет глаз ассоциируется с красотой души, нравственной чистотой, о таких глазах говорят: как васильки, незабудки, анютины глазки, фиалки, лен (цветы льна), небо (небушко), море, цвета небесной лазури и др.: *Он не мог оторвать глаз от красавицы. В синих, васильковых глазах под длинными ресницами струилось много света и добра* (Е.А.Федоров). *Глаза, как небо, голубые. Улыбка, локоны льняные* (А.С. Пушкин).

В таджикско-персидском языковом сознании с красотой ассоциируются черные глаза, но красота эта загадочная, обладающая колдовской силой: *Эй, ки умре шуд, ки то беморам аз мижгони ту, Гу: Нигохе кун, ки пеши чаими шахло мирамат* (Хофиз).

В русском языке красивые глаза нередко сравниваются с глазами слудующих животных: глаза как у лани (кн.-поэт., о красивых, больших, чарующих девичьих глазах), как у газели (кн.-поэт., о темных, бархатистых и пугливых девичьих глазах), как у серны (кн.-поэт., о красивых карих девичьих глазах с робким, пугливо-осторожным взглядом), как у лошади (о чьих-либо (чаще женских) больших, выразительных, красивых и печальных глазах [Мокиенко, 2003], волоокий (-ая) (кн., с большими и спокойными, как бы подернутыми дымкой глазами (пер. с греч., букв. с глазами, как у вола) [Евгеньева, 1999]. Эти образы животных передают особый характер русской красоты, сочетающийся со смирением, печалью, неторопливостью: *Мне особенно нравилось выражение ее лица: так оно было просто и кротко, ... ее глаза, большие, светлые и пугливые, как у лани* (И.С. Тургенев). *Сабина Фанелли была пышнотелая, волоокая красавица, с неподвижною манерою держать себя* (Ф. Сологуб).

Красоту женских глаз в таджикско-персидском языковом сознании передают многочисленные сравнения с цветами, деревьями. Классик персидской поэзии Хафиз и корифей современной поэзии Ирана Рахи Муайери использовали название цветка *нарцис* – *нарцисс* в

поэтической аллегории «чашми наргис», подразумевая под ним подобные нарциссу глаза возлюбленной. Однако, слово *нарцисс* в русском языковом сознании имеет отрицательную коннотацию: самовлюбленный, любующийся собой человек: *Горчаков умен, но прихорашивается, точно Нарцисс, глядящийся в воду* (Ю. Тынянов).

В ходе анализа стало возможным сделать следующий вывод: *глаза* – *чаши* могут концептуализироваться как орган зрения (внешний человек) и как способность, то есть как место сосредоточения всех чувств и эмоций, центр мышления и воли (внутренний человек). Проанализированный эмпирический материал подтверждает тот факт, что лексемы *глаза* – *чаши* являются концепосоставляющей «внешнего» и «внутреннего» человека.

Образы устойчивых сравнений, характеризующие глаза и лицо человека, отражают важные различия характера красоты в двух языках – спокойное величие (волоокый) или кротость (как у лани) русской красоты, и загадочность, легкость и грациозность – таджикской. Дополнительные характеристики, такие как указание на особенности формы и цвета бровей, ресниц и др.,

подтверждают сделанный вывод. В двух языках с красотой ассоциируется разный цвет глаз: голубой в русском языке, черный в таджикском. Связь красоты с блеском и сиянием в таджикском языке закрепилось в сравнениях с небесными светилами (*дидаи ситораафшон*).

Среди прототипных образов красоты в русском языке выделяются следующие: растения (гастрономическая метафора: как малина) и животные (как серна); в таджикском языке идеалами красоты выступают флористические образы, преимущественно цветы (нарцис – нарцисс), драгоценные камни (*дидаи гавхарфишон*) и античные божества (*пари – пери*), обладающие особой грацией и утонченностью форм.

БИБЛИОГРАФИЯ

Александрова, П. С. Словарь синонимов русского языка [Текст] / И. С. Александрова ; под ред. П. А. Чешка. – М. : Рус. яз., 1968. – 600 с.

Алефиренко, Н. Ф. Когнитивно-семиологическая теория слова [Текст] / Н. Ф. Алефиренко // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. – 2006. – № 5 (45). – С. 102–110.

Апресян, Ю. Д. Избранные труды [Текст] / Ю. Д. Апресян. – М. : Яз. рус. культуры, 1995. – Т. 2 : Интегральное описание языка и системная лексикография. – 767 с.

Апресян, Ю. Д. Коннотация как часть прагматики слова [Текст] / Ю. Д. Апресян // Апресян Ю. Д. Избранные труды / Ю. Д. Апресян. – М., 1995. – Т. 2. – С. 156-177.

Апресян, Ю. Д. О языке для описания значений слов [Текст] / Ю. Д. Апресян // Известия АН СССР. Сер. Литературы и языка. – 1969. – Т. 28, № 5. – С. 415-428.

Апресян, Ю. Д. Экспериментальное исследование семантики русского языка [Текст] : монография / Ю. Д. Апресян. – М. : Наука, 1967. – 251 с.

Аспекты семантических исследований [Текст] / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, А. А. Уфимцева. – М. : Наука, 1980. – 354 с.

Бертельс, А.Е. Введение в изучение текстов трактатов. Пять философских трактатов на тему «Афак ва Анфус» [Текст] / А.Е. Бертельс. – М. : Наука, 1970. – 511 с.

Бертельс, Е.Э. История персидско-таджикской литературы [Текст] / Е.Э. Бертельс // Бертельс Е.Э. избр. тр. : в 5 т. / Е.Э. Бертельс. – М.: Восточная литература. – 1960. – Т.1. – 556 с.

Бертельс, Е.Э. Низами и Фузули [Текст] / Е.Э. Бертельс // Бертельс Е.Э. избр. тр. : в 5 т. / Е.Э. Бертельс. – М.: Восточная литература. – 1962. – Т.2. – 556 с.

Бодуэн, К. де. Избранные труды по общему языкознанию [Текст] : в 2 т. / К. Бодуэн де. – М. : Изд-во АН СССР, 1963.

Болдырев, Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики [Текст] / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 18-36.

Болинджер, Д. Атомизация значения [Текст] / Д. Болинджер // Новое в зарубежной лингвистике / сост. В. А.

Звегинцев. – М., 1981. – Вып. 10 : Лингвистическая семантика. – С. 200-234.

Большой энциклопедический словарь [Текст] / гл. ред. А. М. Прохоров. – М. : Большая Рос. энцикл., 1998. – 1456 с.

Вардзелашвили, Ж. А. Коннотация и ее роль в метафоризации [Текст] / Ж. А. Вардзелашвили // Славистика в Грузии : сб. ст. / Тбилис. гос. ун-т. – Тбилиси, 2000. – Вып. 2. – С. 18–23.

Ватват, Рашид-ад-дин. Сады волшебства в тонкостях поэзии [Текст] / Рашид-ад-дин Ватват ; пер. с персид. Н. Ю. Чалисовой. – М.: Наука, 1985. – 323 с.

Вежбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов [Текст] / А. Вежбицкая ; пер. с англ. А. Д. Шмелева. – М. : Яз. славян. культуры, 2001. – 288 с.

Виноградов, В. В. Из истории изучения русского синтаксиса (от Ломоносова до Потемкина и Фортунатова) [Текст] / В. В. Виноградов. – М. : Изд-во. Моск. ун-та, 1958. – 400 с.

Виноградов, В. В. История слов [Текст] / В. В. Виноградов ; отв. ред. М. Ю. Шведова. – М. : Толк, 1994. – 1138 с.

Гак, В. Г. Опыт применения сопоставительного анализа к изучению структуры значения слов [Текст] / В. Г. Гак // Вопросы языкознания. – 1966. – № 2. – С. 97-105.

Гак, В. Г. Языковые преобразования [Текст] / В. Г. Гак. – М. : Яз. рус. культуры, 1998. – 764 с.

Грейдина, Н. Л. Этнокультура: теоретические и практические реалии [Текст] / Н. Л. Грейдина // Человек в зеркале языка: вопросы теории и практики : сб. ст. к 60-летию А. П. Юдашина / отв. ред. И. А. Стернин. – М., 2002. – С. 328-347.

Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию [Текст] / В. Гумбольдт ; пер. с нем. Г. В. Рамишвили. – М. : Прогресс, 1984. – 400 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [Текст] : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Рипол Классик. 2007.

Данилова, Л. В. Семантическое поле тюркских слов, выражающих понятие «иней» и «изморозь» [Текст] / Л. В. Данилова // Вопросы башкирского языкознания / Башкир. гос. ун-т. – Уфа, 1973. – С. 34-42.

Демидчик, В.П. Космология аль-Фараби и ее основные источники. Аль-Фараби [Текст] / В.П. Демидчик // Научное творчество. – М. : Наука, 1975. – 183 с.

Денисенко, В. Н. Семантическое поле «Изменение» в русской языковой картине мира: структурный, функциональный, когнитивный аспекты [Текст] : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / В. Н. Денисенко ; Рос. ун-т дружбы народов. – М., 2005. – 312 с.

Деххудо, А. А. Словарь персидского языка [Текст] / А. А. Деххудо. – Тегеран : [б. и.], 1956. – 1217 с.

Евгеньева, А. П. О некоторых особенностях лексической синонимии русского языка [Текст] / А. П. Евгеньева // Лексическая синонимия / отв. ред. С. Г. Бархударов. – М., 1967. – С. 56-74.

Ельмслев, Л. Можно ли считать, что значения слов образуют структуру? [Текст] / Л. Ельмслев // Новое в лингвистике / сост. В. А. Звегинцев. – М., 1962. – Вып. 2. – С. 117-136.

Есперсон, О. Философия грамматики [Текст] / О. Есперсон ; пер. с англ. В. В. Пасека. – М. : Иноиздат, 1958. – 408 с.

Жуковский, В.А. Человек и познание у персидских мистиков [Текст] / В.А. Жуковский. – СПб. : Из-во С.-Петербур. Ун-т. – 36 с.

Залевская, А. А. Актуальные проблемы лексической семантики [Текст] / А. А. Залевская // Теоретические

проблемы языкознания : сб. ст. к 140-летию каф. общ. языкознания филол. фак. С.-Петербур. гос. ун-та / гл. ред. Л. А. Вербицкая. – СПб., 2004. – С. 381-394.

Залевская, А. А. Введение в психолингвистику [Текст] : учеб. для студентов вузов / А. А. Залевская. – М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 1999. – 384 с.

Залевская, А. А. Текст и его понимание [Текст] : монография / А. А. Залевская. – Тверь : Изд-во Твер. ун-та, 2001. – 128 с.

Зализняк, А. А. Ключевые идеи русской языковой картины мира [Текст] / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. – М. : Яз. славян. культуры, 2005. – 544 с.

Звегинцев, В. А. Зарубежная лингвистическая семантика последних десятилетий [Текст] / В. А. Звегинцев // Новое в зарубежной лингвистике / сост. В. А. Звегинцев. – М., 1981. – Вып. 10 : Лингвистическая семантика. – С. 5-32.

Звегинцев, В. А. Семасиология [Текст] / В. А. Звегинцев. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1957. – 338 с.

Зехни Т. Санъати сухан [Текст] / Зехни. – Душанбе : Ирфон, 1967.–123 с.

Ибн-Сина, А. О душе (фрагмент из «Книги спасения») [Текст] / А. Ибн-Сина // Избранные произведения

мыслителей стран Ближнего и Среднего Востока XI – XIV вв. – М. : Наука, 1962. – С. 219 - 261.

Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность [Текст] : монография / Ю. Н. Караулов. – М. : Эдиториал УРСС, 2002. – 264 с.

Каримова, А. А. Роль Садриддина Айни в развитии современного таджикского литературного языка [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А. А. Каримова. – М., 1954. – 22 с.

Касарец, Х. Введение в современную лексикографию [Текст] : пер. с исп. / Х. Касарец. – М. : Иноиздат, 1958. – 251 с.

Кацнельсон, С. Д. Содержание слова, значение и обозначение [Текст] / С. Д. Кацнельсон. – М. : Наука, 1965. – 112 с.

Кацнельсон, С. Д. Типология языка и речевое мышление [Текст] / С. Д. Кацнельсон. – Л. : Наука, 1972. – 216 с.

Кибрик, А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания [Текст] : монография / А. Е. Кибрик. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1992. – 336 с.

Коран [Текст] / пер. с араб. М.-Н. О.Османов. – М. : Ладомир, 1999. – 928 с.

Королева, А. И. Имя прилагательных в русском и таджикском языках [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / А. И. Королева. – Душанбе, 1966. – 215 с.

Косериу, Э. Лексические солидарности [Текст] / Э. Косериу // Вопросы учебной лексикографии / под ред. П. Н. Денисова, Л. А. Новикова. – М., 1969. – С. 93-104.

Костинский, Ю. М. Вопросы синтаксической парадигмы [Текст] / Ю. М. Костинский // Вопросы языкознания. – 1969. – № 5. – С. 106-115.

Красных, В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология [Текст] : лекцион. курс / В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2002. – 283 с.

Краснянский, В. В. Сложные эпитеты русской литературной речи. Опыт словаря [Текст] : учеб. пособие к спецкурсу / В. В. Краснянский ; Орехово-Зуев. пед. ин-т. – Орехово-Зуево : [б. и.], 1995. – 70 с.

Кристина, И. Концепт «Человек» в языковой картине мира поляков и россиян [Текст] / И. Кристина // Общение. Языковое сознание. Межкультурная коммуникация : сб. ст. / под ред. В. А. Виноградова. – Калуга, 2005. – С. 260-270.

Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира [Текст] / Е. С. Кубрякова. – М. : Яз. славян. культуры, 2004. – 288 с.

Курилович, Е. Заметки о значении слова [Текст] / Е. Курилович // Вопросы языкознания. – 1995. – № 3. – С. 73-81.

Лакофф, Д. О порождающей семантике [Текст] / Дж. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике / сост. В. А. Звегинцев. – М., 1981. – Вып. 10 : Лингвистическая семантика. – С. 350-368.

Лакофф, Д. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении [Текст] / Дж. Лакофф ; пер. с англ. И. Б. Шатуновского. – М. : Яз. славян. культуры, 2004. – 792 с.

Левин, Ю. И. Об одном подходе к описанию коммуникативных ситуаций [Текст] / Ю. И. Левин // Информационные вопросы семиотики, лингвистики и автоматического перевода : сб. ст. – М., 1972. – Вып. 3. – С. 108-117.

Левицкий, Ю. А. История лингвистических учений [Текст] : учеб. пособие / Ю. А. Левицкий, Н. В. Баранникова. – М. : Высш. шк., 2005. – 302 с.

Мусульманкулов, Р. Атауллах-и Махмуд-и Хусайни [Текст] / Р. Мусульманкулов. – Душанбе: Ирфон, 1983. – 145 с.

Махмуд Шабустари. Гюльшан-и роз [Текст] / Шабустари Махмуд. – Баку : Элм, 1977. – 49 с.

Мельчук, И. А. Русский язык в модели «Смысл – Текст» [Текст] / И. А. Мельчук. – М. : Яз. рус. культуры ; Вена : Вен. славист. сб., 1995. – 682 с.

Михайличенко, Г. С. Способы и средства выражения в таджикском языке русских падежных отношений [Текст] / Г. С. Михайличенко. – Душанбе : Ирфон, 1959. – 247 с.

Мокиенко, В. М. Образы русской речи [Текст] : ист.-этимолог. очерки фразеологии / В. М. Мокиенко ; Ленингр. гос. ун-т им. А. А Ждано- ва. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1986. – 278 с.

Морковкин, В. В. Идеографические словари [Текст] / В. В. Морковкин ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1970. – 70 с.

Муин, М. Словарь персидского языка [Текст] / М. Муин. – Тегеран : [б. и.], 1996. – 1111 с.

Муминова, А. Полисемия в таджикском языке [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.20 / А. Муминова. – Душанбе, 1972. – 231 с.

Мухаммадиев, М. Синонимы в современном таджикском литературном языке [Текст] / М. Мухаммадиев.– Душанбе : Изд-во ТГУ, 1960. – 162 с.

Мухаммедходжаев, А. Гносеология суфизма [Текст] / А. Мухаммедходжаев. – Душанбе : Дониш, 1990. – 116 с.

Мухаммедходжаев, А. Мироззрение Фаридаддина Аттара [Текст] / А. Мухаммедходжаев. – Душанбе.: Дониш, 1974. – 234 с.

Найда, Е. А. Анализ значения и составление словарей [Текст] /Е. А. Найда // Новое в лингвистике / сост. В. А. Звегинцев. – М., 1962. – Вып. 2. – С. 45-71.

Навоша, Д. Не ту страну назвали Гондурасом [Текст] : полуфиналы Кубка Америки впервые пройдут без Бразилии и Аргентины // Известия. – 2001. – 7 июля. – С. 4.

Нарзикулов, Т. Художественные приемы в таджикской поэзии [Текст] / Т. Нарзикулов. – Душанбе : Ирфон, 1965. – 234 с.

Ниязмухаммедов, Б. Интенсивная форма прилагательных [Текст] / Б. Ниязмухаммедов // Сообщение Таджикского филиала АН СССР. – Сталинабад, 1949. – Вып. 11. – С. 22-31.

Ниязмухаммедов, Б. Н. О развитии современного таджикского литературного языка [Текст] / Б. Н. Ниязмухаммедов. – Душанбе : Ирфон, 1967. – 118 с.

Новиков, Л. А. Семантика русского языка [Текст] : учеб. пособие для студентов вузов / Л. А. Новиков. – М. : Высш. шк., 1982. – 272 с.

Общее языкознание. Внутренняя структура языка [Текст]. – М. : Наука, 1972. – 566 с.

Ожегов, С. И. Словарь русского языка [Текст] / С. И. Ожегов ; под ред. Н. Ю. Шведовой. – М. : Рус. яз., 1988. – 921 с.

Одинцова, М.П. Вместо введения: к к теории образа человека в языковой картине мира [Текст] / М.П. Одинцова // Язык. Человек. Картина мира. Лингвоантропологические и философские очерки (на материале русского языка) / под ред. М.А. Одинцовой. – Омск. : Омск. гос. ун-т., 2008. – Ч.1. – С. 8-11.

Олимов, К. Мировоззрение Санои [Текст] / К. Олимов. – Душанбе: Ирфон, 1973. – 136 с.

Ольшанский, И. Г. Глубинные падежи и контекстная семантика [Текст] / И. Г. Ольшанский // Контекстная семантизация лингвистических единиц : сб. науч. тр. / отв.

ред. С. И. Канонои. – М., 1984. – Вып. 238. – С 166-182.

Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки [Текст]. – М. : Наука, 1979. – 387 с.

Оранский, И.М. Введение в иранскую филологию [Текст] / И.М. Оранский. Издание 2-е дополненное / сост. И.М. Стеблин-Каменский ; отв. ред. А.Л. Грюнберг. – М. : Наука, 1988. – 388 с.

Орлова, Н. И. О семантическом развитии слов (на примере глаголов «вычислить», «вычитать» и «просчитать») [Текст] / Н. И. Орлова // Русский язык за рубежом. – 1988. – № 3. – С. 19-24

Османов, М.Н. Фирдауси. Жизнь и творчество [Текст] / М.Н. Османов. – М. : Восточная литература, 1959. – 187 с.

Османов, М.Н. Стиль персидско-таджикской поэзии [Текст] / М.Н. Османов. – М. : Восточная литература, 1974. – 267 с.

Пермяков, Г. Л. От поговорки до сказки [Текст] : заметки по общ. теории клише / Г. Л. Пермяков. – М. : Наука, 1970. – 269 с.

Персидско-русский словарь [Текст] : в 2 т. / М.-Н. О. Османов [и др.]. – М. : Рус. яз., 1996.

Пешковский, А. М. Избранные труды [Текст] / А. М. Пешковский. – М. : Просвещение, 1959. – 251 с.

Покровский, М. М. Семасиологические исследования в области древних языков [Текст] / М. М. Покровский. – М. : Ленанд, 1995. – 128 с.

Поливанова, А. К. Группа слов со значением «изменение» [Текст] / А. К. Поливанова // Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике: предварительные публикации / отв. ред.

В. Ю. Розенцвейг. – М., 1973. – Вып. 34. – С. 3-27.

Поливанов, Е. Д. Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком [Текст] / Е. Д. Поливанов. – Ташкент : Узгис, 1933. – 182 с.

Попова, З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике [Текст] : монография / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2001. – 191 с.

Потебня, А. А. Слово и миф [Текст] / А. А. Потебня. – М. : Лабиринт, 1998. – 639 с.

Привалова, И. В. Констатная вариативность (опыт лингвистического исследования национально-культурных ценностей) [Текст] / И. В. Привалова // Язык. Сознание. Коммуникация : сб. ст. / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотова. – М., 2002. – Вып. 22. – С. 5-15.

Пригарина, Н. И. Образное содержание бейта в поэзии на персидском языке [Текст] / Н. И. Пригарина // Восточная поэтика: специфика художественного образа : сб. ст. / отв. ред. П. А. Гринцер. – М., 1983. – С. 89-108.

Пригарина, Н.И. Совершенный человек. Некоторые особенности образа «совершенного человека» у Икбала в свете мусульманской традиции [Текст] / Н.И. Пригарина // Художественные традиции литератур Востока и современность. Ранние формы традиционализма. – М. : Восточная литература, 1985. – С. 172-197.

Пригарина, Н.И. Индийский стиль и его место в персидской литературе [Текст] / Н.И. Пригарина. – М. : Восточная литература, 1999. – 328 с.

Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров [Текст] : науч.-метод. пособие : в 2 ч. / отв. ред. И. А. Попов. – СПб. : Изд-во ИЛИ РАН, 1994. – Ч. 1. – 336 с.

Расторгуева, В. С. О развитии современного таджикского литературного языка [Текст] / В. С. Расторгуева // Вопросы развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху : материалы Всесоюз. конф., 20-24 нояб. 1962 г., г. Алма-Ата. – Алма-Ата, 1964. – С. 34-38.

Расторгуева, В. С. Опыт сравнительного изучения таджикских говоров [Текст] / В. С. Расторгуева. – М. : Наука, 1964. – 221 с.

Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений [Текст] / под ред. Н.Ю. Шведовой. – М. : Азбуковник, 1998. – 807 с.

Русский язык [Текст] : энциклопедия / гл. ред. Ю. И. Караулов. – М. : Большая Рос. энцикл. : Дрофа, 1997. – 703 с.

Русский язык конца XX столетия (1985-1995) [Текст] / отв. ред. Е. А. Земская. – М. : Яз. рус. культуры, 1996. – 480 с.

Русско-таджикский словарь [Текст] / под ред. М. С. Асимова. – М. : Рус. яз., 1985. – 1279 с.

Русско-таджикский словарь [Текст] / под ред. А. П. Дехоти, Н. Н. Ершова. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов ; Сталинабад : Таджикгосиздат, 1949. – 545 с.

Селиверстова, О. Н. Об объекте лингвистической семантики и адекватности ее описания [Текст] / О. Н. Селиверстова // Принципы и методы семантических исследований : сб. ст. / отв. ред. В. Н. Ярцева. – М., 1976. – С. 119-146.

Селиверстова, О. Н. Обзор семантических работ по компонентному анализу [Текст] / О. Н. Селиверстова // Филологические науки. – 1967. – № 5. – С. 125-132.

Селиверстова, О. Н. Труды по семантике [Текст] / О. Н. Селиверстова. – М. : Яз. славян. культуры, 2004. – 960 с.

Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии [Текст] / Э. Сепир ; пер. с англ. А. Е. Кибрика. – М. : Прогресс, 1993. – 656 с.

Словарь литературоведческих терминов [Текст] : кн. для учащихся / сост. Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. – М. : Просвещение, 1985. – 208 с.

Словарь русского языка [Текст] : в 4 т. / гл. ред. А. П. Евгеньева. – М. : Рус. яз., 1986.

Слышкин, Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе [Текст] / Г.Г. Слышкин. – М. : Academia, 2000. – 128 с.

Смирницкий, А. И. Лексическое и грамматическое в слове [Текст] / А. И. Смирницкий // Вопросы грамматического строя / под ред. В. В. Виноградова [и др.]. – М., 1956. – С. 78-95.

Сова, Л. З. Формальные связи в русском языке (дефиниции) [Текст] / Л. З. Сова // Проблемы структурной

лингвистики. 1972 / отв. ред. В. П. Григорьев. – М., 1973. – С. 21-42.

Солнцев, В. М. Установление подобия как метод типологического исследования [Текст] / В. М. Солнцев // Лингвистическая типология и восточные языки : сб. ст. – М., 1965. – С. 5-28.

Солнцев, В. М. Язык как системно-структурное образование [Текст] / В. М. Солнцев. – М. : Наука, 1977. – 340 с.

Соссюр, Ф. Курс общей лингвистики [Текст] / Ф. Соссюр ; пер. с фр. Л. М. Сухотина. – М. : Соцэкгиз, 1933. – 272 с.

Соссюр, Ф. Курс общей лингвистики [Текст] / Ф. Соссюр ; пер. с фр. Л. М. Сухотина. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 296 с.

Срезневский, И. И. Словарь древнерусского языка [Текст] : в 3 т. / И. И. Срезневский. – М. : Книга, 1989.

Стеблин-Каменский, И.М. Этимологический словарь ваханского языка [Текст] / И.М. Стеблин-Каменский. – СПб. : Петербургское Востоковедение, 1999. – 480 с.

Степанов Ю. С. Индоевропейское предложение [Текст] / Ю. С. Степанов; отв. ред. А. С. Мельниченко. – М. : Наука, 1989. – 247 с.

Степанов, Ю. С. Константы [Текст] : слов. рус. культуры : опыт исслед./ Ю. С. Степанов. – М. : Яз. рус. культуры, 1997. – 824 с.

Степанов, Ю. С. Основы языкознания [Текст] : учеб. пособие для аспирантов и студентов / Ю. С. Степанов. – М. : Просвещение, 1966. – 271 с.

Степанов, Ю. С. Семантика [Текст] / Ю. С. Степанов// Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцева. – М., 1990. – С.439-440.

Стернин, И. А. Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования [Текст] / И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2004. – 189с.

Стернин, И. А. Концепт и значение [Электронный ресурс] / И. А. Стернин. – Режим доступа : http://sternin.adeptis.ru/articles2_rus.html#a#a

Стернина, Т. А. Контрастивная лексикология и лексикография [Текст] : монография / Т. А. Стернина ; под ред. Т. А. Чубур. – Воронеж : Истоки, 2006. – 341 с.

Стефанский, Е. Е. Концептуализация негативных эмоций в мифологическом и языковом сознании (на

материале русского, польского и чешского языков) [Текст] : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Е. Е. Стефанский ; Волгоград. Гос. пед. ун-т. – Волгоград, 2009. – 48 с.

Строгова, В. П. О некоторых особенностях семантической системы названий рельефа (на материале северо-западных говоров и памятников письменности) [Текст] / В. П. Строгова // Системность русского языка : сб. науч. работ / Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена ; отв. ред. В. П. Жуков. – Новгород, 1973. – С. 200-236.

Сухотин, Б. В. Алгоритмы лингвистической дешифровки [Текст] / Б. В. Сухотин // Проблемы структурной лингвистики. 1962 / отв. ред.

С. К. Шаумян. – М., 1963. – С. 75-101.

Таджикско-русский словарь [Текст] / под ред. Л. В. Успенской, М. В. Рахими. – М. : Просвещение, 1963. – 1215 с.

Тезаурус научно-технических терминов [Текст] / под общ. ред. Ю. И. Шемакина. – М. : Воениздат, 1972. – 671 с.

Тезисы Пражского лингвистического кружка [Текст] : (рус.-ист. переводчик) // Пражский лингвистический кружок : сб. ст. – М., 1997. – С. 17-42.

Телия, В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц [Текст] / В. Н. Телия. – М. : Наука, 1986. – 142 с.

Телия, В. Н. Основные постулаты лингвокультурологии [Текст] / В. И. Телия // Филология и культура : материалы 2-ой Междунар. конф., 12-14 мая 1999 г. : в 3 ч. / Тамбов. гос. ун-т им. Г. Р. Державина ; отв. ред. Н. Н. Болдырев. – Тамбов, 1999. – Ч. 3. – С. 14-17.

Телия, В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты [Текст] / В. Н. Телия. – М. : Яз. рус. культуры, 1996. – 286 с.

Трубецкой, С. Н. Учение о Логосе в его истории [Текст] : филос.-ист. исслед. / С. Н. Трубецкой. – М. : АСТ, 1994. – 608 с.

Уемов, А. И. Проблемы синонимов и современная логика [Текст] / А. И. Уемов // Логико-грамматический очерк / под ред. Л. Б. Баженова, А. И. Уемова, В. Г. Фарбера. – М., 1961. – С. 26-48.

Улько, В. Ф. Опыт компонентного анализа семантической структуры прилагательных, обозначающих слабость (на примере прилагательных английского языка) [Текст] / В. Ф. Улько // Научные труды Кубанского

университета. – Краснодар, 1976. – Вып. 214 : Английская филология. –С. 57-64.

Ульман, С. Дескриптивная семантика и лингвистическая типология [Текст] / С. Ульман // Новое в лингвистике / сост. В. А. Звегинцев. – М., 1962. – Вып. 2. – С. 17-44.

Уорф, Б. Л. Лингвистика и логика [Текст] / Б. Л. Уорф // Новое в лингвистике / сост. В. А. Звегинцев. – М., 1960. – Вып. 1. – С. 183-198.

Успенская, А. В. Основные структурные особенности современного таджикского языка по сравнению с русским [Текст] / А. В. Успенская // Материалы 1 Межреспубликанской конференции по вопросам улучшения преподавания русского языка в национальных школах. – Ташкент, 1968. –С. 21-14.

Уфимцева, А. А. Лексика [Текст] / А. А. Уфимцева // Общее языкознание. Внутренняя структура языка. – М., 1972. – С. 394-450.

Уфимцева, Н. В. Культура и проблема заимствования [Текст] / Н. В. Уфимцева // Встречи этнических культур в зеркале языка : (в сопоставит. лингвокультур. аспекте). – М., 2002. – С. 159-170.

Фазилов, М. Ф. Изобразительные слова в таджикском языке [Текст] / М. Ф. Фазилов. – Сталинабад : Изд-во АН Тадж.ССР, 1958. – 213 с.

Филин, Ф. Б. Заметки по лексикологии и лексикографии [Текст] /Ф. Б. Филин // Лексикографический сборник / гл. ред. С. Г. Бархударов. – М., 1957. – Вып. 1. – С. 36-57.

Филлмор, Ч. Об организации семантической информации в словаре [Текст] / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике / сост. В. А. Звегинцев. – М., 1983. – Вып. 14 : Проблемы и методы лексикографии. – С.364-495.

Фиш, Р. Джалалиддин Руми. – М. : Молод. гвард., 1977. – 286 с.

Фортунатов, Ф. Ф. Разбор сочинения Г. К. Ульянова. Значения глагольных основ в литовско-славянском языке [Текст] / Ф. Ф. Фортунатов. – СПб. : тип. Имп. Академии, 1899. – 158 с.

Хикматуллоев, Н. Семантико-стилистические особенности лексических синонимов в трилогии Джалола Икрами «Двенадцать ворот Бухары» [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Н. Хикматуллоев. – Душанбе, 1993. – 24 с.

Холматова, С. Д. Способы передачи русских префиксальных глаголов на таджикский язык [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.20 / С. Д. Холматова. – Душанбе, 1971. – 311 с.

Холодович, А. А. Категория множества в японском свете общей теории множества в языке [Текст] / А. А. Холодович // Холодович А. А. Проблемы грамматической теории / А. А. Холодович. – Л., 1979. – С. 173-195.

Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка [Текст] : в 2 т. / П. Я. Черных. – М. : Рус. яз., 1994.

Черных, П. Я. Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период [Текст] : учеб. пособие для вузов / П. Я. Черных. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1956. – 245 с.

Читтик, У.К. В поисках скрытого смысла. Суфийский путь любви. Духовное учение Руми [Текст] / У.К. Читтик ; пер. с англ. М.Т. Степанянц. – М. : Ладомир, 1995. – 524 с.

Шарипов, Х. Формирование таджикской литературно-теоретической мысли в X–XI вв. [Текст] / Х. Шарипов. – Душанбе : Ирфон, 1970. – 213 с.

Шахматов, А. А. Синтаксис русского языка [Текст] : пособие для студентов вузов / А. А. Шахматов. – Л. : Учпедгиз, 1941. – 620 с.

Шаховский, В. И. Лингвистическая теория эмоций [Текст] : монография / В. И. Шаховский. – М. : Гнозис, 2008. – 416 с.

Шаховский, В. И. Эмотивная семантика слова как коммуникативная сущность [Текст] / В. И. Шаховский // Коммуникативные аспекты значения : межвуз. сб. науч. работ / Волгоград. гос. пед. ин-т им. А. С. Серафимовича ; отв. ред. В. И. Шаховский. – Волгоград, 1990. – С. 65-75.

Шведова, Н. Ю. Об активных потенциях, заключенных в слове [Текст] / Н. Ю. Шведова // Слово в грамматике и словаре : сб. ст. / отв. ред. В. Н. Ярцев. – М., 1984. – С. 7-15.

Шведова, Н. Ю. Парадигматика простого предложения в современном русском языке (опять типологии) [Текст] / Н. Ю. Шведова // Русский язык. Грамматические исследования : сб. ст. / отв. ред. Д. Н. Шмелев. – М., 1967. – С. 3-77.

Шейна, И. М. Когнитивно-ономасиологическое исследование производных слов полей вещественности и эмотивности в современном английском языке [Текст] :

автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / И. М. Шведова ; Моск. гос. лингвист. ин-т. – М., 1992. – 24 с.

Шендельс, Е. И. Многозначность и синонимия в грамматике [Текст] : на материале глагол. форм соврем. нем. яз. / Е. И. Шендельс. – М. : Высш. шк., 1970. – 208 с.

Шиммель, А. Мир исламского мистицизма [Текст] / А. Шиммель ; пер. с англ. Н. И. Пригариной. – М. : Алетейя, 1999. – 416 с.

Шмелев, Д. Н. Введение [Текст] / Д. Н. Шмелев // Способы номинации в современном русском языке / Д. Н. Шмелев [и др.] ; отв. ред. Д. Н. Шмелев. – М., 1982. – С. 3-44.

Шмелев, Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка [Текст] / Д. Н. Шмелев. – М. : Просвещение, 1964. – 244 с.

Шмелев, Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка) [Текст] / Д. Н. Шмелев. – М. : Наука, 1973. – 280 с.

Штейнфельдт, Э. Частотный словарь современного русского литературного языка [Текст] / Э. Штейнфельдт. – М. : Рус. яз., 1964. – 624 с.

Шухардт, Г. Избранные статьи по языкознанию [Текст] / Г. Шухардт ; пер. с нем. А. С. Бобовича. – М. : Иноиздат, 1950. – 296 с.

Щеглов, Ю. К. Две группы слов русского языка [Текст] / Ю. К. Щеглов // Машинный перевод и прикладная лингвистика / отв. ред. В. Ю. Розенцвейг. – М., 1964. – Вып. 8. – С. 56-66.

Щерба, Л. В. Избранные работы по русскому языку [Текст] / Л. В. Щерба. – М. : Учпедгиз, 1957. – 186 с.

Щерба, Л. В. Избранные работы по языкознанию о фонетике [Текст] / Л. В. Щерба ; Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1958. – Т. 1. – 180 с.

Щерба, Л. В. Методика исследования и речевая деятельность [Текст] / Л. В. Щерба. – М. : Рус. яз., 2005. – 216 с.

Щур, Г. С. Теории поля в лингвистике [Текст] / Г. С. Щур. – М. : Наука, 1974. – 255 с.

**СТРУКТУРА СЕМАНТИЧЕСКОГО
ПОЛЯ «ЧЕЛОВЕК – انسان» В
СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ**

Монография

Подписано в печать 22.10.2014 г. Формат 60x841/16
Бумага для множительных аппаратов. Гарнитура Times New Roman
Печать на ризографе. Усл. п.л. 8,2. Тираж 500 экз. Заказ № 4451
Оригинал макет отпечатан в отделе множительной техники
Уральского государственного педагогического университета
620017 г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.

E-mail: uspu@uspu.ru